

Юрий

Плющиков

ГИПСОВЫЙ
ТРУБАЧ,
или Конец фильма

геометрия
любви

Юрий Михайлович Поляков

Гипсовый трубач, или Конец фильма

Серия «Гипсовый трубач», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175976

Гипсовый трубач, или Конец фильма: АСТ, Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-056749-2, 978-5-271-22460-7

Аннотация

Сюжет новой книги мастера «Гипсовый трубач, или Конец фильма» разворачивается, как всегда, вокруг любви и отечества – автор популярных женских романов и скандально известный режиссер отправляются за город писать киносценарий. Они рассказывают друг другу множество смешных и грустных историй, вспоминают любимых женщин и случайных знакомых. Но в их беззаботное существование неожиданно вторгаются события, связанные с большой игрой, ставка в которой – собственность на землю в историческом заповеднике.

Искрометный юмор, лихо закрученный сюжет и утонченная эротика – отличительные черты прозы Юрия Полякова. И при этом многие мужчины считают его чуть ли не предателем, а многие женщины – профессиональным проводником по закоулкам мужской души.

Содержание

Часть первая	4
1. Первый звонок судьбы	4
2. Проклятье псевдонима	16
3. Язык Вероники	29
4. Пёсьи муки	37
5. Алиса в заоргазмье	54
6. Ал Пуг, Ген Сид и Пат Сэлендж	65
7. Железная рука штабс-капитана	73
8. Рейдер и незнакомка	84
9. Приют скитальцев духа	96
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Юрий Поляков

Гипсовый трубач, или Конец фильма

И даль свободного романа...
А. Пушкин

Эй, брось лукавить, Божья Обезьяна!
Сен-Жон Перс

*И призраки требуют тела,
И плоти причастны слова...*
О. Мандельштам

Часть первая

1. Первый звонок судьбы

История эта началось утром, когда жизнь еще имеет хоть какой-то смысл.

Ранний телефонный звонок настиг Андрея Львовича Кокотова в належающей теплой постели. Он недавно проснулся и теперь полусонно размышлял о том, что разумные суще-

ства есть, вероятно, не что иное, как смертоносные вирусы, вроде СПИДа, которыми одна галактика в момент астрального соития заражает другую. После вчерашнего посещения поликлиники и одинокого вечернего возлияния он был невесел, мрачна была и его космогоническая полудрема.

Будучи по профессии литератором, Кокотов вяло прикинул, можно ли из этой странноватой утренней мысли вырастить какой-нибудь рассказ или повестушку, понял, что, скорей всего, нельзя – и погрузился. А тут еще это внезапное телефонное беспокойство как-то нехорошо вспугнуло сердце, и оно забилося вдруг с торопливыми и опасными препинаниями. Встревоженный писатель с обидой подумал о том, что надо было вчера заглянуть еще и к кардиологу: сорок шесть – самый, как говорится, опасный мужской возраст.

Телефон все звонил. Андрей Львович встал и побрел на кухню.

Впрочем, «звонил» – чересчур громко сказано. Все предразводные месяцы Кокотов и его бывшая супруга Вероника использовали аппарат так же, как старорежимные крестьяне – шапки, а именно: швыряли оземь в качестве последнего и неопровержимого доказательства своей правоты в семейном конфликте, которому стало тесно в двуспальной кровати. И если раньше после ослепительной ссоры Андрей Львович закипал вожделением и страстно желал задушить жену в объятьях, то в последний год их близлежащего сосуществования он хотел ее просто придушить. И однажды це-

люю бессонную ночь посвятил рассуждениям (конечно, чисто умозрительным) о том, куда потом можно было бы окончательно спрятать труп, чтобы не сесть в тюрьму. Перебрав вариантов двадцать, жестоких и небезукоризненных, он, наконец, додумался: надо купить в магазине «Ребята и зверята» аквариум со стаей пираний, очень модных в последнее время среди серьезной публики. И, как говорится, – концы – в воду! Однако эти чешуйчатые людоедки, оказалось, стоят огромных денег! Тогда Андрей Львович замыслил написать про это рассказ, но не решился – из суеверия.

Начался же семейный распад с того, что у Кокотова появилось болезненное ощущение, будто в их спальне поселился кто-то третий, невидимый. И Вероника, прежде отличавшаяся веселой постельной акробатичностью, с некоторых пор превратила интим в редкие и показательно равнодушные супружеские телодвижения, словно доказывая этому невидимому третьему свою полнейшую незаинтересованность в брачных соединениях. А на мужа она стала поглядывать с некой иронической сравнительностью. Та к пляжная дама, проводив влажным взором загорелого атлета, с тоскливой усмешкой смотрит на своего законного животоносца, приканчивающего восьмую бутылку пива...

– Коко, – объявила Вероника однажды утром за кофе, – я должна тебе сообщить одну важную вещь!

– Какую, Нико?

– Мы разводимся!

– Почему? – спросил Андрей Львович не из любопытства (он давно этого ждал), а скорее из чисто писательской привычки выстраивать диалог.

– Потому что ошибки надо когда-нибудь исправлять...

Развели их без осложнений: потомства они так и не завели (дети, как и пираньи, стоили дорого), а на жилплощадь и совместно нажитое имущество, смехотворное, если быть откровенным, Вероника не имела никаких претензий. Эта бессребренная странность некоторым образом разъяснилась, когда они вышли из суда, и бывшая супруга, точно разнузданная кобылица, потряхивая мелированной гривой, радостно поскакала к огромному джипу. Вскочив на подножку, она обернулась, показала бывшему мужу длинный язык и, победно хлопнув дверцей, скрылась за непроглядными стеклами, исчезла, так сказать, во тьме своей новой светлой жизни.

А телефон все звонил...

На кухне царил то неприглядное бытовое разложение, какое часто встречается в домах недавних холостяков. На тарелке усыхала грубо расчлененная и недоеденная селедка, посыпанная одряхлевшими кольцами фиолетового лука. Чуть выгнулся, почерствав за ночь, забытый кусок черного хлеба. В бутылке оставалось довольно водки, что свидетельствовало о мужском одиночестве, пока еще не перешедшем в неутолимое пьянство. Аппарат фирмы «Тесла» был обмотан разноцветным скотчем и напоминал античную вазу, кропотливо собранную из кусочков. Он даже не звонил, а жалоб-

но верещал из-под кухонной табуретки, словно принесенный с улицы мусорный котенок. Вечор Кокотов хотел от тоски и для познания жизненных глубин позвонить какой-нибудь телефонной возбuditельнице, даже отчеркнул в рекламной газетке номерок горячей линии «Ротики эротики». Но так и не собрался с духом. А зря! Дело в том, что у него появился любопытный сюжетец для нового романа из серии «Лабиринты страсти».

Сюжет такой. Он и она. Ромео и Джульетта. Роман и Юля. Сослуживцы. Работают в одном порно-журнале «Афродозиак». И вот между ними по тайным законам влечения возникает чистое, светлое чувство, которое лишь иногда, очень редко, проникает в нашу жизнь, словно луч солнца в канализационный люк. Роман – фотограф: снимает «обнаженку». Юля – редактор: сочиняет письма, которые якобы приходят в «Афродозиак» от читателей, переживших острое сексуальное приключение.

Ну вот, например:

«Дорогая редакция! Это случилось в Италии, во время экскурсии к жерлу вулкана Санта-Лючия. Вся наша группа уже насладились красотами kloкочущей преисподней и начала спускаться вниз. А мне – не знаю почему – захотелось остаться наверху, продолжая смотреть вниз на inferнальные всполохи магмы. И вдруг я с ужасом и негодованием почувствовала, как чья-то требовательная конечность нырнула ко мне под юбку и нагло пытается проникнуть

в мой собственный кратер, защищенный только ажурными „стрингами“, которые я перед отпуском купила в магазине „Дикая облепиха“. Я обернулась, чтобы отхлестать наглеца по щекам, но моя рука неподвижно застыла в воздухе: это был Николай – самый юный, скромный и симпатичный член нашей тургруппы. Он смотрел на меня так робко, так нежно, так влюбленно...»

Тут Юля отрывается от компьютера и вспоминает, с каким ласковым сочувствием Рома смотрел на нее во время недавней планерки, когда шеф-редактор орал, предынсультно перекосив металлокерамический рот: «Запомните раз и навсегда: мы пиарим только “Мир белья”. У нас договор! Если я еще раз обнаружу в вашем тексте, Юлия Викторовна, хоть намек на “Дикую облепиху”, я вас уволю. Понятно?»

А Рома? Что Рома? Он, сердешный, тщательно выставляя свет, чтобы поразвратнее запечатлеть свежесбранный цветок счастья, принадлежащий стареющей фотошлюхе, тем временем томительно думает о том, как странно глянула на него Юля, проходя вчера по редакционному коридору...

– Попку чуть на меня! – командует он. – Нет, так много... Это уже не попка! – А сам изнывает от желания просто видеть Юлю, говорить с ней, смотреть в эти чистые голубые глаза...

Кстати, с невинными деликатностями зарождающегося чувства у Андрея Львовича было все в порядке. Он понимал и умел тонко описать, как внезапно рождается, расцветает

и опадает лепестками разочарования внезапная симпатия к пассажирке автобуса, особенно грустно взглянувшей на тебя. А вот знаний о развратной стороне жизни ему, семейному до недавних пор мужчине, явно не хватало, что по-человечески, может быть, и хорошо, но с писательской точки зрения непроизводительно: ведь именно романами о «странностях любви» он и зарабатывал себе на жизнь в самые трудные годы. Со звонка в «Ротики эротики» он полагал начать серьезное, бескомпромиссное изучение сексуальных беспределов окружающей действительности, но в самый последний момент, набрав шесть цифр, смалодушничал, передумал и, злясь на себя, сунул «Теслу» под табурет.

Та м он ее, без умолку верещащую, и обнаружил. Нагнулся и, чувствуя прилив крови к вискам, снял трубку.

– Я бы хотел побеседовать с господином Кокотовым! – потребовал густой мужской голос.

– Кокотовым, – привычно поправил Андрей Львович, ибо почти никто и никогда не произносил его довольно редкую фамилию правильно с первого раза. (Из трех вариантов ударения все почему-то поначалу выбирали именно тот, который немедленно придавал фамилии легкомысленный, даже блудливый оттенок, что, конечно же, подтверждает давнюю гипотезу о первородной греховности человека.)

– В таком случае мне нужен господин Кокотов! – заявил голос с раздражением.

– А кто его спрашивает?

– Жарынин.

– Кто-о?

– Кинорежиссер Жарынин. Слыхали?

– Слыхал, – полусоврал Кокотов. – Простите, имя-отчество только вот запамятовал...

– Дмитрием Антоновичем с утра был!

– Я вас слушаю, Дмитрий Антонович!

– А до этого вы меня, Андрей Львович, выходит, не слушали?

– Я неточно выразился. Очень рад вас слышать. Давний поклонник вашего таланта! – зачем-то рассыпался Кокотов, мучительно соображая, почему фамилия режиссера оказалась знакомой, если ни одного его фильма он вспомнить никак не мог.

– Будет врать-то! А вот я в самом деле прочел ваш рассказ в журнале «Железный век».

– Какой рассказ?

– А вы много рассказов напечатали в этом журнале?

– Один...

– Тогда не задавайте глупых вопросов! Я прочел рассказ про гипсового трубача.

– Вам понравилось?

– Кое-что есть, хотя в целом рассказ написан слабо.

– Вы считаете? – обидчиво улыбнулся Андрей Львович.

– Считаю.

– Зачем же вы мне звоните?

– Потому что по вашему сюжету я могу снять хороший фильм!

– Мне трудно об этом судить...

– Почему?

– Потому что, Дмитрий Антонович, я не видел ни одной вашей картины! – поквитался Кокотов.

– Вы и не могли видеть. Вгиковская короткометражка «Толпа» не в счет. Второе режиссерство в агитке «Ленин в Лонжюмо» по сценарию Армена Вознесяна тоже. А единственная моя стоящая картина «Двое в плавнях» была смыта по решению Политбюро! В знак протеста я ушел из кинематографа! Но ушел, хлопнув дверью...

Андрей Львович мудро подумал о странности человеческого ума: когда сталкиваешься с опасностью, всегда надеешься, что она окажется на самом деле не такой страшной. Зато потом, когда беды позади, воображаешь их такими чудовищными, каких и не бывает на свете. Теперь вот многим кажется, будто при советской власти даже в вытрезвитель по решению Политбюро забирали...

– Что вы там молчите? – сердито спросил Жарынин.

– Ах, ну как же! – Кокотов вспомнил этот действительно громкий скандал застойного кинематографа. – А теперь, значит, вы в кинематограф возвращаетесь?

– Да, побыл, как бы это выразиться, во внутренней эмиграции... Надоело. Возвращаюсь!

– А во внешней эмиграции не были?

– Был и во внешней. Но русскому человеку там делать нечего. Однако же странно...

– Что?

– Странно то, что вы расспрашиваете меня о всякой ерунде вместо того, чтобы прыгать от счастья. Вам звонит режиссер и хочет экранизировать ваш рассказ!

– Я прыгаю. Вы просто не видите. А деньги на картину у вас есть?

– Разумеется. В противном случае я бы не звонил. Еще вопросы?

– Нет.

– Тогда запоминайте: завтра в девять ноль-ноль я заезжаю за вами, и мы отправляемся в «Ипокренино».

– В «Ипокренино»? – переспросил писатель, много слышавший об этом историческом месте, но ни разу там не бывавший.

– Да. У меня две путевки.

– Я не могу.

– Почему?! – возмутился Жарынин.

– У меня анализ. В среду. Очень важный...

– Какой еще к чертям анализ! А вы не можете эти ваши... ингредиенты сегодня сдать... впрок?

– Нет, это очень сложный анализ. По знакомству. А «ингредиенты», как вы выразились, тут абсолютно ни при чем! – с вызовом ответил Андрей Львович.

Некоторое время из трубки доносилось лишь недовольное

покряхтывание и посапывание. Наверное, именно так ругались наши бессловесные предки, еще не знавшие роскоши многофункциональной брани.

«Чтоб они пропали, эти анализы! Ну зачем я поперся в поликлинику? Жил бы с этой чертовой бородавкой и дальше! – в отчаянье думал Кокотов, которому впервые в жизни звонил режиссер да еще с таким предложением. – Пошлет он меня сейчас, и правильно сделает!»

– Хорошо, – наконец согласился Жарынин. – В среду я сам отвезу вас в Москву и сдам на анализы! А потом доставлю назад в «Ипокренино». Договорились?

– А сколько я должен за путевку? – не успев обрадоваться, с боязливой щепетильностью любопытствовал Андрей Львович.

– Нисколько. Фирма платит. Да или нет?!

– Да. Я согласен.

– Неужели?! У вас тяжелый характер. До завтра. Ровно в девять.

– В девять, – повторил Кокотов, чтобы лучше запомнить.

– И не опаздывайте! Возле вашего дома остановка запрещена, и я не смогу припарковать машину.

– Откуда вы знаете, что запрещена? – подозрительно спросил писатель.

– Прежде чем сделать вам такое предложение, я собрал о вас материал.

– Вы за мной следили?

– Наблюдал.

– Ну, знаете... Я...

Однако Жарынин уже повесил трубку, и Кокотов, слушая гудки, подумал о том, что судьба непредсказуема, словно домохозяйка за рулем...

2. Проклятье псевдонима

На следующее утро Андрей Львович ровно в девять стоял возле своего дома, расположенного недалеко от платформы «Северянин». Двухкомнатную квартиру, выходящую окнами на шумное, загазованное Ярославское шоссе, он получил еще в прежние времена от могучего в ту пору Союза писателей. Кокотов значился в списках очередников на улучшение жилищных условий, так как населял с мамой Светланой Егоровной тесную хрущевскую «однушку» в Свиблове. Отсюда, собственно, и появился его первый литературный псевдоним «Свиблов», под которым он печатал свои сочинения много лет, не снискав себе ни славы, ни даже какой-нибудь чуть заметной известности. Был у него, правда, еще один псевдоним, так сказать, коммерческий... Но это отдельная история.

Размышляя о происхождении такого стойкого неуспеха, Кокотов перебрал множество разнообразных причин и выделил две самые вероятные: первая – неправильно выбранный псевдоним, вторая – отсутствие таланта. Впрочем, вторую можно было отмести сразу: мало ли кругом знаменитых графоманов? Да и кто из пишущих, в самом-то деле, признает себя бездарным? В определенном смысле творческий работник похож на уродливую женщину, ведь она все равно в глубине души убеждена: в ней что-то есть, что-то чертовски милое – просто пока еще никто не заметил. Кстати, именно

на этой тайной дамской уверенности основана многовековая и очень успешная деятельность брачных аферистов.

Значит, оставалась первая причина: псевдоним «Свиблов», который содержал в себе, очевидно, некую губительную неброскость. И Кокотов решил обмануть неприветливую литературную судьбу – рассказ «Гипсовый трубач» он опубликовал под своей родовой фамилией. Впрочем, главный редактор «Железного века» Федя Мреев, трезвевший только тогда, когда жрал антибиотики после очередной болезнетворной половой связи, убеждал этого не делать. В тот день Федя как раз и был угнетающе трезв, ибо умудрился в пьяном беспамятстве завести получасовой роман с привокзальной особью. Последствия оказались самыми тяжелыми, в чем Мреев винил, разумеется, не себя, а тезку – Федора Михайловича Достоевского, который своей Лизаветой Смердящей сбил с толку немало вполне приличных мужчин интеллигентной ориентации...

– Не вздумай, Львович! – предупредил Мреев. – Фамилия у писателя может быть любая, но только не смешная! Кокотов... – он через силу улыбнулся. – Не вздумай!

Но Львович вздумал! И вот пожалуйста, он стоит с чемоданом и ждет режиссера, чтобы ехать в «Ипокренино» – сочинять сценарий! А Мреев лежит в клинике с гепатитом, передающимся, оказывается, не только алкогольным, но еще и половым путем! На днях Кокотов навестил своего друга-издателя, пожелтевшего, как древний пергамент. Однако на-

строен Федя был не мрачно, а скорее философически:

– Знаешь, я вот лежу и думаю... Насколько же все-таки алкоголь безопаснее секса! Ты подумай, Львович, сколько еще можно было выпить до заслуженного алкогольного гепатита! А тут раз – и квас... Да, Львович, нет справедливости на свете!

«Есть, есть справедливость! – удовлетворенно думал Кокотов, вглядываясь в проезжавшие мимо автомобили. – Мало, очень мало, но есть!»

О том, что судьба к нему если не жестока, то уж точно неласкова, наш герой стал задумываться давно. Ну взять хотя бы ту же квартиру... Он как член творческого союза по советским законам имел право на дополнительные двадцать метров. Сочинять первые книжки ему приходилось на крохотной кухоньке, где закипевший чайник можно было снять с плиты, не вставая из-за стола.

Светлана Егоровна давным-давно, когда сын был еще бессознательно мал, отдала своего неверного мужа Леву в хорошие, как она однажды выразилась, руки, из которых тот уже не вырвался даже для того, чтобы хоть однажды повидать подрастающего отпрыска. Поначалу, правда, Лева тайно звонил и плакал в трубку, жалуясь на грубости новой жены, звал на помощь бывшую супругу, умолял поднести к мембране ребеночка, дабы услышать единокровное «уа!». Однако звонки становились все реже, а потом отец окончательно исчез в толще прошлого. Лет десять по почте еще приходи-

ли алименты, такие крошечные, словно вычитались они из жалованья лилипута, зарабатывающего на жизнь перетаскиванием крупногабаритных грузов.

О том, что Лева умер, Светлана Егоровна узнала, когда позвонила его вдова и спросила, не хочет ли первая жена внести лепту в созидание могильной плиты усопшему.

Мать так изумилась просьбе, что денег дала. Их повез по указанному адресу Андрей Львович, в ту пору подросток, и попал прямо на сороковины. Дверь открыла толстая женщина в старом халате. Одутловатым своим лицом, прической и усами она чрезвычайно напоминала пожилого Бальзака, замученного непомерным употреблением кофе и Эвелины Ганской. В замусоренную переднюю из кухни доносилась пьяная разноголосица, мало похожая на траурное поминовение усопшего, чья душа как раз в этот день должна окончательно отлететь от своих земных заморочек.

– Ты кто? – спросила Бальзаковна.

– Я сын Льва Ивановича.

– Что-то не похож...

– Я на маму похож.

– Ну разве что! Принес?

– Принес, – он протянул конверт.

Бальзаковна схватила деньги и сунула за пазуху, потом степенно спросила:

– Отца помянешь?

– В каком смысле?

– Выпьешь?

– Детям нельзя...

– Молодец! И не пей! – всхлипнула она и прижала мальчика к своей мягкой груди, пахнувшей какой-то острой закуской.

Спускаясь по лестнице, Кокотов услышал восторженно-дикий вопль: вероятно, именно в этот миг собутыльники узнали, что теперь могут гулять, не нуждаясь в средствах, до естественного изнеможения организма. Вернувшись домой, Андрей рассказал об увиденном матери. Та сначала возмущалась, но потом расстроилась и даже всплакнула. Видимо, пропащий Лева все-таки оставил в ее женском существе особенный, незаживающий след.

Впрочем, чисто внешне ее одинокая жизнь сложилась вполне оптимистично. Разойдясь с мужем, Светлана Егоровна вела бодрое, насыщенное прозябание инженера БРИЗа и активной общественницы и по совокупности заслуг получила однокомнатную квартирку в Свиблове, покинув, наконец, семейное заводское общежитие, где вечерами одновременно вскипали две дюжины чайников, а коллективная субботняя стирка рождала в извилистых коридорах непроглядные, почти колдовские туманы, пахшие хозяйственным мылом. Личные радости у нее, наверное, все-таки случались – на отдыхе в ведомственном санатории, откуда она всегда возвращалась оживленная, даже взвинченная. Некоторое время Светлана Егоровна чаще, чем обычно, задерживалась у зер-

кала, будто хотела увидеть себя глазами того обаятельного язвенника, который после санаторного разгула и после процедурных любовных безумств вернулся в свой скучный Сыктывкар. Именно оттуда несколько лет ей приходили поздравительные открытки к Восьмому марта, подписанные неизвестным «Э».

Потом один тощий рационализатор несколько лет настойчиво таскал ей на дом проект чудодейственной автоматической помывки стеклотары на конвейере и очень удивлялся, что Андрей сиднем читает дома книжки, вместо того чтобы носиться с друзьями на уличной воле. Светлана Егоровна, по-ахматовски кутаясь в облезший оренбургский плат, в ответ лишь гордо усмехалась, мол, вот такой у меня необыкновенный сын! Очевидно, она принадлежала к тому типу женщин, для которых мужчина – возможный, даже желанный, но совершенно не обязательный компонент жизнедеятельности.

Зато когда Кокотов подросток и озаботился женской телесностью, мать старалась создавать ему всяческие условия: уходила в консерваторию или уезжала на дачу к знакомым. При этом Светлана Егоровна относилась к его подружкам, сначала одноклассницам, а потом и однокурсницам, с доброжелательным небрежением, надеясь, вероятно, что эту манеру переймет у нее и сын. Впрочем, изредка она делала серьезное лицо, напоминая ему о том, что если с девушкой получится что-нибудь чреватое, он должен повести себя как настоящий

мужчина: в серванте для такого случая всегда лежала наготове зеленая полусотенная купюра (немалые по тем временам деньги!), а рядом – бумажка с телефоном знакомого гинеколога, принимавшего на дому. Бесплатно в госмедучреждениях это осуществляли очень больно, обидно и неаккуратно. В общем, Светлана Егоровна делала все для того, чтобы уступить сына другой женщине как можно позже, и делала это легко, изобретательно, с улыбочивой жестокостью.

Пятидесятирублевка, кстати, так и не пригодилась. От природы Кокотов не обладал тем веселым даром обольщения, который кто-то из остряков назвал «нижним подходом к женщине». При такой методе дама может сколько угодно твердить вам: «нет, нет, нет», но очень скоро, незаметно для себя, отвечает «нет» уже на нежный вопрос: «А вот так тебе, кисонька, не больно?» Что же касается «верхнего подхода», когда слияние душ намного опережает слияние сперматозоида и яйцеклетки, то на него у Андрея Львовича просто не оставалось душевных сил. Он тратил себя на другое, им овладела иная страсть, почти болезнь, которая будет посильнее плотской. Имя этого недуга – сочинительство.

Почти все свободное время он проводил за пишущей машинкой. Впрочем, «машинкой» этот агрегат под названием «Десна», списанный за ветхой громоздкостью и принесенный Светланой Егоровной со службы, назвать было трудно. Он предназначался для печатанья широкоформатных финансовых отчетов. Метровая каретка, совершив отпущенное

ей движение вправо, возвращалась на место с такой стенобитной мощью, что маленькая квартирка Кокотовых вздрагивала всем своим гипсоасбестовым существом, а мозеровские рюмки, подаренные когда-то матери на свадьбу, мелко дребезжали в серванте.

Печатал Кокотов на обратной, чистой стороне каких-то министерских инструкций, огорчился и рвал странички не оттого, что понимал всю невозможность «изречь невыразимое», а из-за досадных опечаток. Особенно часто у него вместо «И» выскакивало «Т», а вместо «А» – «В». Когда количество перебивок на странице становилось критическим, нервы начинающего литератора не выдерживали, и он, зверски выдрав лист из каретки, в бешенстве рвал его на такие мелкие кусочки, что могли бы позавидовать конструкторы самых современных бумагоуничтожителей. Переживавшая за сына Светлана Егоровна достала где-то по знакомству несколько флакончиков чудодейственной импортной замазки – и творческий процесс наладился.

Готовые сочинения Андрей Львович радостно нес на обсуждение в литобъединение «Исток», откуда возвращался с таким видом, словно его несколько часов методично хлестали по щекам, а в довершение еще и плюнули в лицо. После этого Кокотов впадал в депрессию, пил седуксен, который Светлане Егоровне выписали от нервов и который считался тогда универсальным средством для примирения с действительностью. Но депрессия оканчивалась приливом вдохно-

вения, снова стенобитная каретка сотрясала квартиру, и снова Кокотов тащил очередную рукопись в литобъединение «Исток». Там его снова били по щекам, но в лицо уже не плевали – то ли забывали, то ли не считали нужным, учтя творческий рост молодого автора. И то радость!

Так что Кокотову было не до зеленой купюры. А потом он, к ужасу Светланы Егоровны, женился на первой же забеременевшей от него однокурснице, с которой сошелся на летней педагогической практике в пионерском лагере «Березка». Звали избранницу Лена Обиход. Но брак был недолгим, вскоре он вернулся к матери, а спустя пять лет преподнес ей свою первую книжку, повесть «Бойкот» – про школьников, взбунтовавшихся против учителя, который препятствовал развитию самоуправления в классе. Глупость, конечно! Самоуправление в школе такая же нелепость, как коллегияльность на операционном столе. Писатель Свиблов этого не понимал, а учитель Кокотов очень скоро понял. Но такое тогда было время – 1986-й год, перестройка! Свобода уже проникла в Отечество, но вела себя еще довольно скромно, точно опытный домушник: осторожно, бесшумно она обходила ночное жилище, примечая, где что лежит, прикидывая, что брать в первую очередь, а что во вторую, и нежно поигрывала в кармане «ножом-выкидушкой» – на случай, если проснутся хозяева...

Увидев фотографию сына на обложке, Светлана Егоровна расплакалась, стала целовать странички и даже испачкала гу-

бы свежей типографской краской. Потом повесть похвалил в отчетном докладе тогдашний главный литературный начальник Георгий Мокеевич Марков, человек неглупый и, что самое удивительное, внимательно читавший своих собратьев по перу, даже начинающих. Кокотова всем на зависть быстро, без проволочек приняли в Союз писателей.

Глядя тисненное золотом писательское удостоверение, выданное сыну, мать снова расплакалась (позже Кокотов прочел в журнале «Здрав-инфо», что чрезмерная слезливость – признак надвигающегося инсульта) и в воскресенье повезла сына на Немецкое кладбище к своим рано умершим родителям. «Вот, смотрите! – гордо объявила она. – Ваш внук – настоящий писатель!» Из впечатанных в рябой гранит овальных рамок напряженно глядели фотографические останки людей, когда-то живших, работавших, любивших, рожавших. Казалось, они изнурительно думают о том, почему, почему бесконечная жизнь может вдруг вот так взять и замереть между двумя датами, выбитыми на камне. Кто же знал тогда, что всего через несколько лет на памятнике появится еще один портретный овал, и Светлана Егоровна, обретя блаженство там, под землей, или на небе (Кокотов это для себя еще не решил), вдоволь наговорится со своими родителями об Андрюшиных блестящих успехах.

Получив писательский билет, Кокотов тут же встал в очередь на улучшение жилищных условий. Собственно, для того многие и рвались в Союз писателей. Новую площадь ему

обещали, но не скоро. Однако через год случилось чудо: один поэт-полуклассик (точнее сказать, классик-полупоэт), оказавшийся после четвертого развода без крова, осмотрел и гневно отверг двухкомнатную квартирешку в панельном доме да еще рядом с гремучим Ярославским шоссе.

– Вы понимаете, с кем говорите?! – кипел он. – Мою песню «В страну ворвался ветер перемен!» поет вся страна и даже генсек Горбачев!

Предыдущую квартиру он получил на проспекте Мира, убедив жилищную комиссию в том, что его песню «Кружатся чайки над Малой землей...» любит петь в застолье сам генсек Брежнев, хотя к тому времени Сам не то что петь, а и говорить-то уже не мог, напоминая человека, который из угрюмого озорства решил умереть не в больнице или дома, а на трибуне. В общем, полуклассику-полупоэту срочно подыскали что-то соответствовавшее его статусу, а ордер на «двушку», видимо, учитывая душевное расположение литературного начальства, предложили Кокотову. Посоветовавшись с мамой, он радостно согласился, хотя мог, между прочим, в случае срочной женитьбы, даже фиктивной, рассчитывать и на трехкомнатную квартиру. Но, как говорится, лучше ордер в руках, чем слава в веках.

Они въехали в новую квартиру – и у каждого появилась теперь отдельная комната, однако Андрей Львович, повинаясь многолетнему рефлексу, выработавшемуся в начальный период творчества, продолжал сочинять исключитель-

но на кухне, среди кастрюль. И это еще ничего: один песенный лирик, пострадавший от тоталитаризма и ставший по-этом в ГУЛАГе, куда попал как оголтелый троцкист за групповое изнасилование комсомолки, поддерживавшей сталинскую платформу, выйдя на свободу, построил в своем рабочем кабинете настоящие нары и установил действующую «парашу». Только так он мог возбудить в себе трепет стихоносного вдохновения. Его, кстати, часто теперь показывают по телевизору: во-первых, как феномен психологии творчества, а во-вторых, как напоминание нашей беззаботной капиталистической молодежи о мрачных временах страшной Совдепии.

Не успели мать с сыном порадоваться новой жилплощади, как вдруг – гром среди ясного неба: Союзу писателей вне плана выделили целый подъезд в изумительном кирпичном доме рядом с лесопарковыми Сокольниками. Вероятно, советская власть, зашатавшаяся под ударами прекрасодушных перестроечных нетерпеливцев и американских спецслужб, рассчитывала задобрить писателей и опереться на них в трудную годину надвигавшейся смуты. Намерение, надо признать, еще более нелепое, чем попытки уставших от разврата гусар искать себе верных жен в гарнизонных борделях. Те м не менее ордера на роскошные трехкомнатные квартиры давали всем очередникам и даже безочередным литераторам, чей талант отличался выдающейся общественной стервозностью. Узнав это, Кокотов внут-

ренне заплакал от коварства судьбы, а потом мнительно решил, будто «двушку» на Ярославке ему подсунули специально, чтобы устранить претендента на Сокольники.

В результате он так обиделся на советскую власть, что в августе девяносто первого сломя голову помчался защищать Белый дом от путчистов, чтобы поддержать Ельцина, и без того умевшего постоять за себя на танке. Кокотов даже плакал от счастья, когда объявили победу демократии. Память об этих слезах теперь спрятана в самом потаенном кармашке души, вместе с другими глупыми и стыдными событиями его жизни, вроде кражи николаевского пятака у одноклассника-нумизмата, малодушного бегства из семьи Обиходов или позорного изгнания из фонда Сэроса...

В октябре девяносто третьего Кокотов снова хотел поехать к Белому дому, теперь чтобы оберечь легитимных народных избранников от озверевшего законно избранного президента, но у него не оказалось денег даже на метро...

3. Язык Вероники

Андрей Львович посмотрел на часы: было двадцать минут десятого. Он внимательно огляделся, но никого, кто мог бы оказаться режиссером Жарыниным, поблизости не обнаружил. Тогда он попытался вспомнить, все ли электроприборы выключил, уходя, и точно ли перекрыл газовый вентиль. Раньше за это отвечала Вероника. Она в детстве пережила пожар, случившийся из-за оставленного утюга, и с тех пор маниакально боялась бытовых возгораний. Теперь же вот приходилось следить самому. Лишь после развода он осознал, сколько всего в их совместной жизни делалось женой, причем совершенно незаметно. Кокотов ощущал себя хирургом, который привык негромко говорить: «Скальпель!» – и тут же получать от ассистентки блестящий остренький инструмент. «Зажим!» – и зажим в руке. Теперь, в ответ на команду «Скальпель!» – ничего. Ничего! Кокотов с недоумением понял, что холодильник сам по себе не наполняется продуктами, а рубашки, брошенные в корзину, не обнаруживаются вскоре висящими на плечиках, чистые, оглаженные и ароматизированные. Что уж там говорить о брачном ложе, внезапно превратившемся в необитаемый остров!

Первое время, выйдя из подъезда, Кокотов тут же забывал и не мог уже сказать наверняка: вырублены ли огнеопасные точки и заперта ли входная дверь? То есть он был по-

что уверен в том, что сделал это, но стоило лишь задуматься – и крошечное «почти» окутывалось клубами дыма, взрывалось сиренами пожарных машин и обдавало ужасом нищего существования на пепелище. Поначалу он бегом возвращался с полпути, чтобы перепроверить, и, разумеется, все было выключено и вырублено. Однако на другой день наваждение в точности повторялось, а тот факт, что в прошлый раз обошлось, служил не для успокоения, а напротив, для мнительной уверенности в том, что уж сегодня-то обязательно случится жуткая огнепальная катастрофа. Измучившись, Андрей Львович придумал-таки надежный способ: перекрывая газ и запирая входную дверь, он пребольно щипал себя за руку между большим и указательным пальцами, щипал так, чтобы болело минут десять, а следы от щипков держались и того дольше.

Кокотов успокоительно глянул на красное пятнышко, оставшееся на коже, осторожно снял с уставшего плеча футляр с новеньким ноутбуком и поставил на чемодан. От старого, испытанного «Рейнметалла», сменившего стенобитную «Десну», он отказался совсем недавно и пока еще питал к компьютеру осторожно-уважительные чувства.

Жарынин все не появлялся. Мимо прошла ногастая девица в неуместно короткой для начала осени юбочке. Наверное, ей очень хотелось похвастать своими шоколадно-загорелыми конечностями, только что привезенными с юга. Кокотов посмотрел ей вслед с обреченным вождением соро-

кашестилетнего, небогатого и не очень хорошо сохранившегося мужчины. Вероника, бывало, перехватив подобный его взгляд, понимающе усмехалась, сочувствен— но похлопывала по переваливающемуся через ремень животу и говорила: «Даже не надейся!»

Он, кстати, и не надеялся, почти привыкнув к своему мужскому одиночеству. И только вот в такие мгновенья его невостребованная плоть наполнялась вдруг тяжким томлением, как в школе, когда Колька Рашмаджанов приносил и тайком показывал одноклассникам «Плейбой», стыренный у отца, работавшего в Спорткомитете и провозившего запретный журнал из загранкомандировок, рискуя партбилетом. А потом «плейбоек» стояли у старшеклассников перед глазами и доводили до такого состояния, что бретелька лифчика, выглядывавшая у молоденькой учительницы математики из-под строгого платья, вышибала из голов всю алгебру вместе с геометрией.

Кстати, Вероника при первом знакомстве поразила Кокотова тем, что была неуловимо похожа на одну «плейбоекку», надолго запавшую в подростковую память. Она появилась в его жизни вскоре после смерти Светланы Егоровны, словно нарочно посланная судьбой для того, чтобы сын мог выполнить наказ матери: «Если со мной, Андрюшенька, что-нибудь случится, обязательно женись! Нельзя тебе без женщины...» В бюро детских и юношеских писателей у него была общественная нагрузка — иногда он дежурил в литературной

консультации, куда начинающие могли принести и показать свои первые опыты. Вероника была намного моложе Кокотова, училась в Энергетическом институте, жила в студенческом общежитии и писала плохонькие стихи под Цветаеву.

Сердце, раненное, колотится —
Извелась.
Увидала тебя и — колодница
Синих глаз!

В Москву она приехала из Кирова, и внешность у нее была совершенно вятская: круглое фарфоровое личико с чуть раскосыми глазами и тонкими чертами. Когда Андрей Львович объяснял начинающей поэтессе недостатки ее стихов, подчеркивая карандашиком сбои ритма и неудачные рифмы, она смотрела на него, как земная пастушка, случайно встретившая в лавровой роще бога, сошедшего на землю по какой-то нечеловеческой надобности. Однако в постели у небожителя пастушка очутились не сразу, а после полугода упорных ухаживаний, именно в тот момент, когда мужское умиление редкостной девичьей порядочностью готово было переродиться в ярость от ее холодной неуступчивости.

В первую ночь она сделала все возможное, чтобы убедить будущего супруга: три года, проведенные в студенческом общежитии, никоим образом не отразились на ее женском опыте. А тот единственный предшественник, за которого она собиралась замуж еще в Кирове, понятное дело, разбился в ав-

токатастрофе. Кокотов лишь мудро улыбнулся этому лукавству и поцеловал милую лгуню. Он давно сообразил, что женское тело – это братская могила осуществленных мужских желаний. И если в этой могиле ты лежишь пока еще сверху, это уже очень даже неплохо!

Проснувшись утром, Вероника оглядела комнату и сказала:

– Неправильно!

– Что неправильно?

– Мебель у тебя стоит неправильно!

Свадьбу сыграли по новорусским понятиям весьма скромную, а по писательским – ну просто роскошную. Гостей Кокотов собрал в нижнем буфете Дома литераторов, куда за заслуги перед родной словесностью ему поз– волили принести с собой спиртное, чтобы вышло подешевле. Экономия и в самом деле случилась немалая. Дело в том, что, убирая под руководством дотошной невесты захламленную квартиру, Андрей Львович неожиданно обнаружил на антресолях две дюжины пыльных бутылок «Пшеничной», залежавшихся там со времен горбачевской борьбы с алкоголизмом, погубившей Советский Союз. (Как известно, великую державу сразили две напасти: дефицит алкоголя и переизбыток бездельников, поющих под гитару песенки собственного сочинения.) Оказалось, покойная Светлана Егоровна прятала часть водки, полученной по талонам. Зачем? Впрок, конечно, на всякий случай, чтобы, например, расплатиться с

сантехником. Ну и, понятно, чтобы не искушать сына-сочинителя. Из книжек она достоверно знала: писатели в пору творческого застоя могут запить, и запить так всемирно, что мемуаристы потом только про эти загулы и вспоминают...

В нижнем буфете, закрытом на спецобслуживание, Кокотов собрал с десятков своих литературных знакомцев, к которым не испытывал ненависти, позвал он и нескольких издательских работников, редактировавших его сочинения без садизма. Со стороны невесты были родители, приехавшие из Вятки и смотревшие на дочь с недоверчивым восторгом – так смотрят на хроническую двоечницу, внезапно принесшую домой аттестат зрелости, набитый пятерками. Было еще несколько девушек – Вероникины однокурсницы и соседки по общежитию. Они заливисто хохотали, стараясь таким образом скрыть зависть к подруге, столь жестоко опередившей их в трудном искусстве мужеловства.

Имелся, конечно, и свадебный генерал – писатель Эдгар Медеянский, создатель бессмертного Змеюрика. Он сидел за столом с тем выражением, какое бывает у солидного отпускника, если вместо обещанного люкса его воткнули в чулан возле сортира. Но потом классик заинтересовался самой милой из Вероникиных товарок Ольгой и опростился до такой степени, что ближе к концу торжества получил от девушки гулкую оплеуху, обеспечив скандал, без которого свадьба не может считаться окончательно удавшейся.

Кстати, налегая на водку, чуткий Медеянский сразу

определил ее советское происхождение и объявил, что, будучи генетическим либералом, тем не менее ценит застойные напитки и добывает их с большой переплатой со специальной базы МИДа, которая обеспечивает спиртным приемы на высшем уровне и хранит в своих недрах среди прочего легендарную царскую мадеру, именно ее так любил Григорий Ефимович Распутин.

Кокотов, одетый в новый темно-серый костюм, старался выглядеть благополучным, состоявшимся, даже состоятельным мужчиной и небрежно раздавал официантам чаевые. А услышав эти слова Медеянского, тонко улыбнулся и многозначительно пошутил в том смысле, что у них, оказывается, общие источники вдохновения. И вот тут-то жених поймал на себе особенный, обидный взгляд невесты. Она усмехнулась и показала Кокотову язык, точнее, чуть-чуть высунула его из сжатых губ. Та к вроде, пустяк... Но если, как говорится, системно взглянуть на ситуацию, следует признать: именно тогда, на свадьбе, и начался распад их брака, закончившийся длинным малиновым языком, показанным ему во дворе Савеловского суда через много лет...

Конечно, надо было с самого начала разъяснить Веронике, что ее ждет не глянец удовольствий, но трудная, полная лишений и самоограничений судьба писательской сподвижницы. Однако вместо этого, обольщая начинающую поэтессу, забросившую стихи сразу после загса, Андрей Львович пустился в туманные рассуждения о скором мировом при-

знании его сочинений, а также красиво тратил отложенные на черный день сбережения. Да и свадьбу-то, честно говоря, сыграли на остатки гранта, который фонд Сэроса, введенный в заблуждение его псевдонимом, выделил литератору Свиблову под написание детской приключенческой повести о кровавых злодеяниях советского режима.

А ведь именно на триумф и многоязыкие переводы этой книжки, названной «Поцелуй черного дракона», Андрей Львович всерьез рассчитывал, соединяясь с молодой и требовательной Вероникой. Не получилось. Господи, как же орал старый прихлебатель Альбатросов: «Это что – розыгрыш? Мерзавец! Вон отсюда! Ни копейки, ни цента...»

Вдруг Кокотова прошиб липкий пот осознания. Идиот! Он стоит и ждет здесь, как лох, совершенно напрасно – никто не приедет. Никто! Более того, никакой Жарынин ему не звонил! Его попросту подло разыграли. Кто? Станный вопрос... Ну конечно же, эта гепатитная сволочь Федька Мреев, которому запретили пить! Вот он теперь и развлекается, чтобы не так к рюмке тянуло. И голос один в один! Иногда, если в редакцию звонил нежелательный автор по поводу гонорара, Мреев, взяв трубку, отвечал не свойственным ему вальяжным баском. Именно таким, низким и густым, был голос этого самого лжережиссера. Ну надо же так глупо, наивно и дешево попасться...

4. Пёсьи муки

Сзади раздался оглушительный автомобильный сигнал. Андрей Львович в ужасе оглянулся и увидел, что сияющая иномарка, въехав прямо на тротуар, буквально уперлась бампером в его чемодан. Из машины выскочил загорелый мужчина в куртке из персиковой лайки, бежевых вельветовых брюках и модных замшевых мокалинах.

– Вот так и гибнут русские классики! – сказал незнакомец голосом Жарынина и, улыбаясь, приложил ладонь к темно-коричневому бархатному берету.

Берет, кстати, выглядел необычно: специальной серебряной бляшечкой сбоку было прикреплено небольшое рыже-полосатое перо.

– Что? – испуганно переспросил Кокотов.

– Ничего, садитесь скорее! Здесь нельзя парковаться. Кладите вещи! – Он ткнул мокасином в кокотовский чемодан.

Крышка багажника была предусмотрительно откинута. Писатель осторожно поместил вещи в полость, обтянутую изнутри серым рубчатым велюром, точно сундук для хранения драгоценностей. Там уже покоилась большая и длинная, как обожравшийся удав, адидасовская сумка. Затем через гостеприимно распахнутую перед ним дверцу Андрей Львович забрался на переднее сиденье и тщательно пристегнулся. В салоне пахло ночным клубом. Жарынин плюхнулся рядом,

повернул ключ зажигания, лихо съехал с тротуара на мостовую, дал газу – и машина ринулась вперед.

Некоторое время мчались молча. Кокотов, скосив глаза, обнаружил, что профиль у режиссера хищный и волевой, брови лохматые, а небольшие курчавые бачки тронуты благородной сединой. Почувствовав, что его рассматривают, водитель на мгновение повернулся к пассажиру – и взгляды их встретились. Глаза у Жарынина оказались серо-голубые, почти выцветшие и в то же самое время очень живые, даже возбужденные. Такого сочетания Кокотову до сих пор, кажется, встречать не доводилось.

Те м временем Жарынин летел, резко обходя другие автомобили, порой для этого выскакивая на встречную полосу. Иногда он комментировал очередной свой маневр разными фразами, явно обидными для прочих участников движения. Особенно Андрею Львовичу запомнились слова, брошенные вдогонку обомчавшему их с космической скоростью джипу:

– Ишь ты, сперматозоид-спринтер!

– «Мерседес»? – спросил робко Кокотов, чтобы как-то завязать разговор, и погладил отделанную деревом крышку «бардачка».

– «Вольво», – ответил режиссер, глядя на дорогу взором профессионального убийцы.

– А откуда, Дмитрий Антонович, вы узнали, где я живу? – Писатель наконец задал вопрос, беспокоивший его со вчерашнего дня.

– Нанял двух отставных гэбэшников – они вас и выследили!

– Нет, я серьезно! – хохотнул Кокотов.

– А если серьезно – я живу от вас через два квартала. Дом Госснаба знаете?

– Знаю. Хороший дом. Из бежевого кирпича и окнами в парк...

– Точно.

– И давно вы там живете?

– Еще коммунаки квартиру дали.

– Та к вы вроде... с коммунистами...

– Я – да! А жена – нет. Она у меня по снабжению всю жизнь.

– Повезло. Только что-то я вас ни разу не встречал здесь, в нашем районе...

– Встречали. Но я часто в отлучках. Иногда подолгу... Потом, я на машине езжу, а вы пешком. Но однажды мы все-таки сталкивались. Помните, в прошлом году на вас собака набросилась?

– Здоровая такая! Черная. Конечно, помню... Она же мне штаны разорвала! – почти радостно подхватил Кокотов.

– Ну, вот – это был мой Бэмби. Незабвенный Бэмби!

– Ничего себе, Бэмби. Его-то я помню. Очень, кстати, необычная собака...

– Помесь черного королевского пуделя с ризеншнауцером. Страшное дело: пуделиная дурь, помноженная на ри-

зешснауцерскую агрессивность!

– Действительно, странный пес! Ни с того ни с сего... А вот вас я совершенно не запомнил! Наверное, от испуга.

– Наверное. Вы никогда не писали про собак?

– Нет, – сознался Кокотов.

– Напрасно. Настоящий писатель обязательно должен сочинить что-нибудь про собак, про детей и про выдавленного раба.

– А вы про собак ничего не снимали?

– Нет, но у меня есть роскошный сюжет для короткометражки. Рассказать?

– Если не жалко...

– Не жалко! – Режиссер поудобнее устроился в водительском кресле. – Вообразите себе, Андрей Львович, такую историю. Некий гражданин (назовем его Василием) выходит, как и вы в прошлом году, вечером во двор своего дома – подышать воздухом. Он только что в хлам рассорился с женой, и все внутренности у него вибрируют от гнева, как у дешевой стиральной машины. Семейная жизнь представляется ему гнуснейшим способом существования, недостойным взрослого человека. Умиротворяя себя сладостными картинами предстоящего развода и будущего упоительного мужского самоопределения, он прогуливается меж деревьев, постепенно приходя в себя. Но вдруг из темноты с омерзительно-визгливым лаем ему под ноги бросается лохматая болонка, похожая на тряпичную швабру, какими моют кафельные

полы. От неожиданности Василий страшно пугается, хватается за сердце и с холодной оторопью понимает, что никуда он из семьи не денется, что это, как выразился Сен-Жон Перс, «парное одиночество» у него навсегда, что вот так, до гроба, он и будет брести по жизни, булькая внутренней тоской...

А следом за визжащей собачонкой из темноты вышел хозяин (назовем его Анатолием) и произнес подлейшую по смыслу фразу:

– Не бойтесь, товарищ, он не кусается! Тоша, ко мне! Ах ты, мой мальчик!

Пес, презрительно задрав на Василия лапку, сделал свое собачье дело, радостно вернулся к хозяину, и они вместе исчезли в темноте.

Возможно, случись подобный инцидент в какой-то другой день, Василий посмеялся бы над этим кинологическим недоумением и забыл. Но тут все сошлось. И в предосудительном поведении болонки он ощутил вызов, который бросает ему судьба. Мол, кто ты? Мужчина или деревяшка, которую перепиливает жена и метит безнаказанно случайный кабыздох? Кроме того, обращение «товарищ» выдавало в подлом собаковом явного пролетария, приверженца красно-коричневых идей, а Василий, надо заметить, имел высшее техническое образование и голосовал исключительно за Явлинского.

– Но лично мне Явлинский никогда не нравился! – сообщил, прервав рассказ, Жарынин.

– Почему же?

– У него лицо оскорбленного младшего научного сотрудника, которому в институтской столовой недолили борща...

– Лучше рассказывайте дальше! – попросил Кокотов, сдерживая в сердце ползучую политическую обиду.

– На чем я остановился?

– На судьбе!

– Да, на судьбе, так вот... Соединение всех этих обстоятельств, невинных поодиночке, привело к тому, к чему приводит соединение купленных в супермаркете безобидных ингредиентов, а именно: к бомбе. Она-то и взорвалась в сердце Василия. Однако бежать в милицию и подавать заявление на неведомого прохожего, чей четвероногий друг обмочил тебе джинсы, – смешно и бессмысленно...

– Это верно, – кивнул Кокотов. – Мой товарищ неделю пытался подать заявление по поводу исчезновения жены. Безрезультатно. Наконец она вернулась, причем без всяких объяснений, после недельного отсутствия. Конечно, мой друг вспылил. И что вы думаете? У нее заявление по поводу абсолютно внутрисемейного синяка под глазом тут же приняли. И моему другу пришлось продавать наследственные «жигули», чтобы прикрыть дело...

– Да... милиция – произвольная организация... – рассеянно согласился Жарынин. – Но вернемся к Василию! Он в тяжелой задумчивости пришел домой и заперся там, где мог побыть в одиночестве, – в туалете. И ему на глаза попалась

газета «Юго-западные новости» (ее бесплатно кладут в почтовый ящик) с объявлением:

НАЙДИ СЕБЕ ДРУГА!

Речь шла о питомнике «Собачья радость», куда со всего района свозили бездомных животных и куда хозяева отдавали своих четвероногих друзей в силу разных неожиданных обстоятельств. Любой желающий мог взять себе из питомника понравившуюся зверушку, оплатив лишь съеденные корма. И тогда Василию явился в голову грандиозный план мести. Утром он помчался по указанному адресу и выбрал себе довольно зрелого и чрезвычайно сердитого черного миттельшнауцера по кличке Пират, от которого хозяева отказались из-за злобного нрава, направленного, правда, исключительно на собак меньшего калибра. Слупили, однако ж, с Василия немало. Можно подумать, миттель умял за месяц содержания в питомнике столько же, сколько сожрала бы голодная волчья стая. Но это уже значения не имело.

Жена (не будем ее никак называть), увидев мужа с собакой, устроила ему сцену, переходящую в скандал, а затем – в истерику, но Василий впервые за многие годы совместной жизни проявил твердость и переехал вместе с псом на балкон, благо лето в тот год выдалось жаркое. Некоторое время он бесил Пирата специально купленной мягкой игрушкой,

похожей на оскорбительную белую бо—лонку. Наконец, мобилизовав в миттеле все омерзительные собачьи качества, он повел озверевшего Пирата в то самое место, где недавно подвергся нападению маленькой лохматой сволочи, и стал ждать, страдая от мысли, что оскорбители забрели сюда случайно и обычно гуляют совсем в других пределах.

Но вот из темноты, звонко лая, выскочил Тоша. Василий с кроткой улыбкой спустил Пирата с поводка. Злобное рычание, жалобный визг, и сцепившиеся собаки сделались похожи на бело-черный клубок, напоминающий чем-то эсхатологическую схватку света и тьмы в романах Лукьяненко. Подоспевший на шум Анатолий с трудом вырвал из зубов миттеля то, что осталось от Тоши. А осталось, поверьте, немного. Я бы даже сказал: чуть-чуть...

— Странно, товарищ, — молвил Василий, не ожидавший такого летального результата. — Раньше он у меня не кусался! — А сам, злодей, потихоньку дал Пирату сахарок, пристегнул поводок и удалился.

Анатолий несколько дней выхаживал умирающий фрагмент своего друга и, обливаясь слезами, схоронил его ночью в дворовой клумбе, под табличкой «Не ходить!». А на девятый день тоже отправился в питомник «Собачья радость» (ему в ящик сунули ту же самую газету), чтобы отыскать себе новую болонку, максимально похожую на усопшего Тошу.

— А вот знаете, Андрей Львович, о чем я сейчас поду-

мал? – мечтательно спросил Жарынин, совершая опасный обгон фуры.

– О чем?

– Если бы род людской подразделялся на породы, как собаки, семейно-брачные отношения были бы гораздо гармоничнее...

– Вы полагаете? – На губах Кокотова мелькнула усмешка, отравленная ядом недавнего развода.

– Конечно же! Вот, допустим, вам нравятся женщины-колли, вы женились по страстному влечению, но не сошлись характерами. Ерунда! Вместо мучительных поисков просто берете себе новую колли, с такой же остренькой лукавой мордочкой, с такой же рыжей длинной шерстью – только с другим характером.

– А если мне нравятся дворняжки?

– Дворняжки? Об этом я как-то не подумал...

– Лучше рассказывайте дальше!

– Значит, вам нравятся дворняжки? Учтем! Ну так вот...

Анатолий поехал в питомник за болонкой, но вернулся со злобным ризеншнауцером по кличке Фюрер, который, по словам хозяина «Собачьей радости», люто ненавидел всех миттелей, вероятно, подозревая в них вырожденческую, неполноценную ветвь своей благородной породы. Привезя пса, мститель тем же вечером устроил засаду, и как только появился Василий со своим Пиратом, спустил Фюрера с поводка. Громкий лай, страшное рычание, жуткий визг... Надо

ли объяснять, что в кровавой схватке миттель получил увечья, которые абсолютно несовместимы даже с его собачьей жизнью.

– Ну, нельзя же так себя вести, малыш! – нежно попенял Анатолий, поощрительно почесывая за ухом победителя, злобно дрожащего от песьей гордости.

Василий же, предав земле Пирата, на следующий день снова помчался в питомник. Едва войдя, он тут же бросился к зарешеченному вольеру, где метался огромный серый дог с налитыми кровью глазами. Но Василия предупредили: пес попал сюда из-за того, что еще в раннем щенячестве получил психическую травму, будучи покусан прохожим ризеншнауцером. С тех пор, завидев представителя ненавистной породы, он рвет поводок с такой силой, что хозяину остается лишь волочиться следом, словно какому-то сказочному подлецу, привязанному к конскому хвосту и пущенному в чисто поле.

– Как его зовут?

– Баскервиль. Сокращенно – Баск.

– Беру!

Это приобретение, надо сказать, серьезно улучшило морально-супружеский климат в семье Василия: завидев пса, жена беспрекословно перебралась на балкон, а сам хозяин со своим зверем поселился в комнатах. Неделю он водил четвероногого психа на то место, где пал смертью храбрых Пират, но противоборствующая сторона не появлялась: види-

мо, ушла в отпуск. Наконец, на восьмой день показался веселый, загорелый, отдохнувший Анатолий с Фюрером. Пес едва успел присесть, обретя выражение тоскливой доверчивости, характерное именно для испражняющихся собак, как из темноты выскочил зверь размером с хорошего теленка. Леденящие звуки, сопровождавшие битву, вполне можно было бы использовать для саунд-трека к «Парку Юрского периода». В итоге от несчастного ризена осталось не больше, чем от вождя немецкого народа, чей партийный титул ему неосторожно дали в качестве клички.

– Кстати, вы читали «Философию имени» Флоренского? – спросил вдруг Жарынин.

– Нет, – помявшись, ответил Кокотов.

– А вы вообще-то много читаете?

– Не очень.

– Напрасно. Надо больше читать. Ведь нынешних критиков интересует не то, что писатель написал, а то, что он прочитал.

– Рассказывайте дальше! – обиделся Андрей Львович.

– Ага! Вам интересно! Итак, на следующий день осунувшийся Анатолий бросился в «Собачью радость» и долго в возбуждении ходил вдоль вольеров, пока не остановился возле огромного пего-лохматого пса, кавказца по прозвищу Басай. Хозяин питомника объяснил: пес сторожил богатую дачу председателя благотворительного фонда поддержки детей-сирот (БФ ПДС) «Доброе сердце» и был натаскан

так, чтобы любое живое существо, перелезшее четырехметровый забор фазенды (особенно пронырливая ребятня), назад уже не возвращалось. Но однажды Басай сорвался с цепи, перемахнул забор и передал в округе всех кошек, собак, покалечив даже ручного медведя, сидевшего на цепи в загородном ресторане «Мишка косолапый». Страшного кавказца усыпили, выстрелив специальной капсулой, и доставили в питомник для стерилизации, на что надо было получить согласие хозяина, который тем временем побирался где-то в Эмиратах.

За большие деньги Анатолий купил Басая (по документам это провели, как гибель пса от передозировки снотворного) и тем же вечером вывел его на прогулку, трепеща от страха за собственную жизнь, ибо кровожадная амбивалентность приобретенного чудовища сквозила буквально в каждом кобелином движении. Но, видимо, какое-то чувство зоологической благодарности к человеку, вызволившему его из-за решетки, все-таки теплилось в звериной душе, и Басай нехотя, но все же подчинялся новому своему обладателю. Когда появился, гордый прежней победой, Василий с долговязым Баском на поводке, Анатолий лишь успел сдернуть железный намордник и отскочить в сторону. Много видавший на своем веку ветеринар-реаниматор, вызванный безутешным Василием, только качал головой и цокал языком, глядя на изуродованного дога, похожего на освежеванную телячью тушу, какие подвешивают к потолку в морозильных камерах.

Утром Василий выскреб из семейной кассы последние деньги. И вот что любопытно: жена, которая прежде бесилась из-за какой-нибудь лишней кружки пива, на этот раз смотрела на мужа с молчаливой печалью, словно Пенелопа на Одиссея, отправляющегося черт знает куда черт знает зачем. Вскоре Василий вернулся из питомника с бело-розовым питбулем, похожим на помесь холмогорской свиньи и аллигатора. Звали его Кузя, но сотрудники питомника меж собой именовали пса Каннибалом Лестером. Видимо, за то, что он отхватил полруки своему хозяину, вздумавшему поиграть с костью, которую пес в это время глодал. Не прикончили людоеда только потому, что известный зоопсихолог Семен Догман, написавший книгу «Друг мой – враг мой. Собака и человек. История дружбы и вражды», хотел произвести с ним некоторые научные опыты по заказу Российского отделения Международной академии кошковедения и собакознания (МАКС). Поэтому хозяин питомника даже за большие деньги согласился выдать Василию Лестера лишь на пару дней, пока Догман собирал материал для новой монографии «Роковой треугольник. Собака и человек. История любви», опрашивая домохозяек, имевших интимные отношения со своими четвероногими питомцами.

И вот настал вечер. Тревожно шелестели купы черных тополей. В небе стояла до отказа полная луна, такая яркая, что, казалось, еще мгновение – и она, оглушительно пыхнув, перегорит навсегда. Василий и Анатолий сошлись на пустыре,

как смертельные поединщики. Некоторое время они с безмолвной ненавистью смотрели друг на друга, еле удерживая рвущихся в бой кобелей. И наконец все так же, не проронив ни слова, спустили с поводков четвероногих убийц. Поначалу казалось: приземистый Лестер обречен погибнуть, затоптанный могучими лапами Басая, но питбуль, изловчившись, схватил кавказца за горло. Вероятно, длинная жесткая вражья шерсть помешала ему окончательно сомкнуть челюсти и решить исход схватки, но и разжать зубы было уже невозможно. Так он и повис, похожий на уродливый, до земли, белый кадык, внезапно выросший у кавказца. Басай, хрипя, метнулся к деревьям: мотая головой, он пытался могучими ударами о стволы сбить, сорвать со своей глотки врага. Но не тут-то было! Лестер вцепился в Басая крепче, чем олигархи в обескровленное тело России. Вот так, стуча Лестером о встречные деревья, автомобили, мусорные баки, углы домов, Басай умчался в ночь. И долго еще окрестные жители вспоминали о странном двуедином монстре, который, дико воя, промчался по микрорайону, оставляя кровавый след и сметая все на своем пути... Больше их никто никогда не видел...

– Это все? – спросил Кокотов.

– А вам мало? – Жарынин от возмущения даже прибавил скорость.

– Нет концовки.

– Ну, тогда вот вам концовка: Анатолий и Василий с нена-

вистью посмотрели друг другу в глаза и разошлись. Говорят, один растит теперь в ванной амазонского крокодила, а другой вместе с женой откармливает на балконе юного варана. Армагеддон впереди! Ну, как теперь?

– Теперь неплохо.

– Берете сюжет?

– Нет, спасибо! Я работаю в других жанрах.

– Это в каких же? Кстати, сколько у вас книг?

– Четыре, не считая... В общем, настоящих четыре.

– Четыре! И всего-то? А Лопе де Вега, к вашему сведению, написал две тысячи пьес. Взгляните на полное собрание сочинений Бальзака, Диккенса или Толстого! Вы не кажетесь себе после этого литературным пигмеем?

– Им помогали...

– Кто? Дьявол?!

– Ну почему же сразу – дьявол! – вздрогнул Андрей Львович. – Толстому Софья Андреевна, например, помогала...

– Помогала?! Да если бы мне моя жена так помогала, я бы ее задушил каминными щипцами! – злобно отозвался Жарынин.

– А Лопе де Вега пользовался бродячими сюжетами. Его пьесы – это же «ремейки» и «сиквелы», как сегодня выражаются...

– Вы-то сами хоть раз ремейк или сиквел писали?

– Приходилось, – вздохнул Кокотов.

– А почему тогда Гёте свой «ремейк» пятьдесят лет сочи-

нял?! – вдруг страшным голосом закричал Жарынин и, отвернувшись от летевшей навстречу дороги, уставился на Кокотова бешеными выцветшими глазами. – «Фауст» ведь тоже ремейк!

– Вы меня так спрашиваете, – стараясь сохранять спокойствие, произнес писатель, – как будто это я был у Гёте соавтором. И, пожалуйста, смотрите вперед – мы разобьемся!

Даже не глянув на дорогу, Жарынин легко обошел внезапно выросший впереди грузовик-длинномер и сказал уже спокойнее:

– У Гёте был соавтор! Из-за этого он так долго и писал «Фауста». И вы прекрасно знаете, кто был тот соавтор!

Режиссер уставился на трассу, и некоторое время они ехали молча. Андрей Львович горестно размышлял о том, что, видимо, напрасно связался с этим странным человеком, даже не наведя о нем каких-нибудь справок. Мало ли кто он такой? Может, вообще маньяк! Завезет куда-нибудь... Так, припугивая самого себя, он в задумчивости нащупал в носу горошину, из за которой срочно пришлось звонить Оклякшину, проситься на прием...

– А почему все-таки, Андрей Львович, вы так мало написали? – как ни в чем не бывало, дружелюбно, даже сочувственно спросил Жарынин.

– Я не сразу пришел в литературу, – пожаловался Кокотов и страшным усилием воли заставил себя не щупать нос.

– А где ж вы до этого болтались?

– Я не болтался!

– Ну, хорошо: где же вы до этого самореализовывались?

– По-разному... Учителем, например, был.

– Учитель – это не профессия.

– А что же?

– Разновидность нищеты.

– Может быть, вы и правы, – отозвался Кокотов, внутренне поразившись жестокой точности формулировки. – А у вас и в самом деле есть деньги на фильм? – неожиданно для себя спросил он.

5. Алиса в заоргазмье

Но в ответ из кармана жарынинской лайковой куртки донесся Вагнер – «Полет валькирий». Режиссер вынул новейший мобильник в золоченом корпусе, откинул мизинцем черепашковую крышечку и завел с какой-то обидчивой «Лисанькой» нежно-путанную беседу, из которой можно было понять, что назначенное на сегодняшний вечер интимное свидание, увы, отменяется, так как ему пришлось срочно вылететь в Лондон на переговоры. Кокотов, делая вид, будто разговор Жарынина его не интересует, достал свою старенькую «Моторолу» и обнаружил, что забыл с вечера зарядить аккумулятор. Огорченный этой пустяковой неурядицей, Андрей Львович подумал, что по мелодии, выбранной человеком для сотового телефона, можно определить его характер, а возможно, и карму. У него самого трубка играла печальную григовскую «Песню Сольвейг».

Те м временем они проскочили Окружную и подъезжали к Королеву, где всегда прежде собирались пробки. Кокотов не был в этих местах лет пять-шесть и с изумлением обнаружил затейливо-грандиозную развязку, напоминающую гигантского технотронного спрута, распустившего длинные щупальца, по которым во все стороны бежали крошечные автомобили, похожие на насекомых. Соавторы поднырнули под брюхом спрута и помчались дальше, все так же об-

гоняя осторожные коробочки «жигулей» и неповоротливые фуры-длинномеры. Мелькнул указатель на Пушкино. Деревья, стоявшие вдоль шоссе, были уже почти без листвы, но дальше, за придорожными домиками, теснились ярко-желтые, реже – багровые купы. Справа проблеснула новеньким золотым куполом отреставрированная церковь. Когда Кокотов проезжал по этому шоссе в последний раз, на месте храма виднелись развалины, напоминавшие сгнивший зуб.

«Точно золотую коронку надели, – подумал Андрей Львович и тут же мысленно извинился: – Прости, Господи!»

В последние годы он не то чтоб уверовал и воцерковился – скорее стал богобоязнен. Еще точнее: его суеверная робость, ранее распространявшаяся только на черных кошек и дурные сны, начала теперь свое смиренное восхождение к Престолу Господню. Во всяком случае, позвонив Оклакшину и попросившись на обследование, Кокотов зашел в храм и поставил свечку святому целителю Пантелеймону.

– Деньги есть, – сообщил Жарынин, захлопывая крышечку и убирая телефон в карман. – Зачем мне вас обманывать? Я обманываю только женщин и себя. Моя жена работает в крупной международной фирме: недра распродают. Та к вот, она убедила своего шефа, мистера Шмакса, вложиться в мое кино.

– Он что, ненормальный, Шмакс?! – искренне воскликнул Кокотов.

– В определенной мере – да: он влюблен в мою жену...

– И вы так спокойно об этом говорите?

– А почему я должен волноваться?! Мы женаты двадцать семь лет и давно уже не вмешиваемся в личную жизнь друг друга. Знаете, в чем назначение мужчины?

– В чем?

– В том, чтобы вырастить из половой партнерши идейную соратницу!

– Неужели вам это удалось?

– Не сразу... Брак – это борьба. Мы с женой обо всем условились: она ему сказала, что я ревнив, как бабуин, и чтобы я не догадался, меня надо отвлечь. А как можно отвлечь режиссера? Дать ему возможность снимать картину – тогда он ничего вокруг себя не замечает...

– Оно конечно, – согласился Кокотов, – но во сколько же ему обойдется эта ваша... э-э-э... отвлеченность?

– В три-четыре миллиона!

– Долларов?

– Нет, этикеток от «Абрау-Дюрсо».

– С ума сойти... И ему не жалко? На эти деньги можно...

– Нельзя! Вы плохо, Андрей Львович, знаете психологию западников. Они же прагматики. Вкалывают с утра до вечера и ничего хорошего не видят. Они рабы, прикованные к галере бизнеса. Влюбляются до неприличного редко. Но уж если влюбляются... Для них собственные чувства – такая же ценность, как удачно вложенные деньги. И если появляется женщина, в которую можно вложить чувства, их не остано-

вишь. Вот у нас в Союзе кинематографистов еще на износе советской власти был такой случай. В ОБВЕТе работала одна девушка...

– Где работала?

– В отделе обслуживания ветеранов. ОБВЕТ. Назовем ее, хэ-хэ, Вета. Так, ничего себе. Я пробовал – пикантно... Она страстно хотела выйти замуж за иностранца. А как известно, самые темпераментные и безоглядные среди иностранцев – итальянцы. И Вета пошла на курсы итальянского языка, окончила, стала подрабатывать гидом – и, конечно, приглядываться. Пару раз ей попадались какие-то никчемные работяги в новых, специально для поездки в Россию купленных малиновых башмаках. Потом встретился сицилиец, необыкновенный любовник, который жил у нее две недели и прерывал объятия лишь для того, чтобы узнать счет на чемпионате мира по футболу. Он очень хотел жениться на Вете, но развестись не мог, ибо состоял в браке с дочерью крупного палермского мафиози, и стоило ему лишь заикнуться, как, сами понимаете, ноги в лохань с цементом – и на дно к трепангам...

– Трепанги на Дальнем Востоке! – осторожно поправил Кокотов, писавший как-то подтекстовку к детскому познавательному альбому «Кто живет на дне морском?».

– Это не важно. Слово хорошее – трепанги. Среди людей очень много трепангов. Ладно, к кальмарам... В общем, Вета уже стала тихо отчаиваться, как вдруг ее приставили пе-

реводчицей к миланскому королю спагетти, прилетевшему в Москву для организации совместного производства макарон. Назовем его для разнообразия Джузеппе. Он влюбился в нее, как только способен влюбиться пятидесятилетний мужик, отдавший всю свою жизнь макароностроению и семье. До безумия! Он снял ей квартиру, осыпал подарками, а когда узнал, что она собирается замуж (роль жениха по старой дружбе исполнил ваш покорный слуга), то сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Джузеппе был счастлив и, подарив ей бриллиантовое кольцо, улетел в Милан улаживать дела. В Милане-то у него имелись жена и трое детей, а развестись в Италии почти так же трудно, как у нас в России двум «голубым» пожениться. Пока...

– Развод по-итальянски, – понимающе кивнул Кокотов.

– Вот именно. Го д он разводился и делил имущество. Родители его проклинали, жена при каждой встрече в присутствии адвокатов и журналистов плевала ему в лицо, дети рыдали, просили выбросить из головы эту русскую проститутку и вернуться в семью. Но он был непреклонен и продолжал бракоразводный процесс. Наконец, все поделили: все макаронные фабрики и все загородные дома. Он даже смирился с тем, что жена в порядке компенсации за моральный ущерб забрала себе гордость его коллекции – знаменитый перстень Борджиа со специальной выемкой для яда. И вот Джузеппе, свободный, как попутный ветер, прилетел в Москву, разумеется, предварительно дав телеграмму с характерной для ита-

льянцев оригинальностью: «Летцю на крыльях любви! Твоя Джузепчик». Ветка мне показывала! Он ведь, молодец-то какой, между судебными заседаниями русский язык поучивал!

Вета, которая весь этот год вела себя как исключительная монашка и не порадовала ни одного мужчину (кроме меня, разумеется), накрыла стол, надела специально купленный прозрачный пеньюар, а фигурка у нее – я как очевидец докладываю, – очень приличная. И представьте себе: обнаружив ее в дверном проеме, просвеченную насквозь до малейшей курчавой подробности, Джузеппе воскликнул: «Мамма миа!» И умер на месте от обширного инфаркта. Позже выяснилось: приступы у него начались еще во время бракоразводного процесса, но он полагал, что сердце болит от разлуки с любимой. Вот как бывает...

– А Вета? – грустно спросил Кокотов.

– Она чуть не сошла с ума и поклялась, что не взглянет теперь ни на одного итальянца. И слово свое сдержала: через три месяца она записалась на курсы шведского языка, а через полтора года вышла замуж за шведа. И тот, поделив во время развода принадлежавшие ему бензоколонки, в силу природного нордического хладнокровия все-таки остался жив...

– М-да, – вздохнул Андрей Львович. – Влюбляются физические лица, а разводятся юридические...

– Неплохо сказано!

Некоторое время спутники ехали молча. По обочинам

шоссе стояли селяне, продававшие дары сентября: букеты астр и гладиолусов, мелкие подмосковные яблоки и огромные продолговатые кабачки, похожие на макеты дирижаблей. Среди убого однообразных домишек вдруг взметывался какой-нибудь многобашенный замок – памятник эпохе первичного накопления.

– Андрей Львович, а на что вы, собственно говоря, живете? – спросил после продолжительного молчания Жарынин. – Только не врите, что на литературу! Все равно не поверю.

– Вы будете смеяться, Дмитрий Антонович, но я все-таки живу на литературу. Если, конечно, то, чем я занимаюсь, можно назвать литературой. Сначала, когда случилось несчастье...

– Какое несчастье?

– Девяносто третий год...

– А-а... Почему-то принято считать несчастьем аборт, а не то, что ему предшествует. Рассказывайте дальше!

– Сначала я вернулся в школу преподавать. Но вы даже не представляете, какие там теперь нравы!

– Почему же не представляю? Очень даже представляю! Меня однажды вызвала классная руководительница моего сына и стала на него жаловаться. Минут через пятнадцать она уже жаловалась на своего вечно куда-то командированного мужа, который пять лет не может купить ей шубу. А через час мы были у нее дома. Это невероятно, на какую

вулканическую страсть способна обиженная в браке женщина! Наш роман длился год, и когда она писала моему сыну в дневник замечание за опоздание на урок, два восклицательных знака в конце означали, что муж снова в командировке и я могу зайти. Увы, потом он все-таки справил ей шубу, обида угасла – и наши свидания стали скучны, как практические занятия по половой гигиене. Мы расстались... Извините, я, кажется, вас перебил!

– Ничего. Но я имел в виду совсем другое. Вас когда-нибудь били за двойки?

– Конечно, отец порол как сидорову козу!

– А меня вот били за двойки, которые поставил я. Ученики... То есть не сами ученики, просто они сбрасывались и нанимали шпану из соседнего микрорайона. Раза два били по бартеру...

– «По бартеру»? Любопытно!

– Ничего любопытного, – грустно объяснил Кокотов. – Мои ученики отправлялись в другой район и били преподавателя, который поставил двойки их приятелям. А те, в свою очередь, приезжали в наш район и били...

– Вас!

– Да, меня. Как говорится, услуга за услугу.

– И сколько же вы терпели?

– Недолго. Я понял: школа – это не мое, и занялся торговлей...

– Вы – торговлей? – изумился Жарынин.

– Да! Я покупал в «Олимпийском» оптом женские романы и в подземном переходе продавал в розницу. Есть такая серия «Лабиринты страсти» издательства «Вандерфогель», очень, между прочим, популярная среди домохозяек. Торговал я довольно долго, кое-что зарабатывал, а когда покупателей не было, почитывал Гегеля или Канта. У меня, знаете, с философией неважно. Забили голову разными «анти-дюрингами», теперь вот на старости лет переучиваюсь. Но однажды, за завтраком, я поругался с Вероникой из-за подгоревшего омлета, расстроился и забыл дома «Критику чистого разума». От нечего делать пришлось читать то, что продаю. Это был роман Кэтрин Корнуэлл «Любовь по каталогу». И вы знаете, мне понравилось! Не текст, конечно, он был чудовищный, а сама мысль о том, что можно зарабатывать на жизнь, сочиняя такую вот чепуху. Потом я прочел книжку Реббеки Стоунхендж «Кровь в алькове». Потом дилогию Джудит Баффало «Алиса в Заоргазмье». Эта вещь меня особенно тронула. Разве мог я подумать, что всего через неделю познакомлюсь с автором?!

– Вы поехали за границу?

– Ничуть. Я подумал, что брать книги на реализацию у изготовителей выгоднее, чем у оптовиков, разузнал телефон издательства, позвонил, представился... Меня вежливо выслушали и предложили приехать, познакомиться. Издателем оказался молодой парень в малиновом пиджаке, с бычьей шеей и короткой стрижкой, но с ним мне пообщаться не до-

велось – он по телефону бился за вагон колготок, застрявший в Чопе. Беседовал же со мной главный редактор – бодрый, одетый в джинсовый костюм пенсионер, в котором я не сразу узнал Мотыгина, работавшего в журнале «Пионер». Он даже как-то, много лет назад, напечатал мой рассказ про детей, собиравших колоски и нашедших неразорвавшийся снаряд времен войны...

– А про тимуровцев вы не писали? – хохотнул Жарынин.

– Писал... – тяжело вздохнул Кокотов. – ...Так вот, мы разговорились. Мотыгин посетовал, что бумага дорожает чуть ли не каждый день, поэтому гонорары невысокие, но ребята не жалуются.

– Какие ребята? Переводчики? – спросил я.

– Да какие, к черту, переводчики! – засмеялся он.

И тут выяснилось удивительное: никаких, оказывается, Кэтрин Корнуэлл, Ребекки Стоунхендж или Джудит Баффало в природе нет и не было, а есть несколько наших домо-тканых мужиков, они-то и лудят под псевдонимами все эти книжки из серии «Лабиринты страсти». Это, кстати, идея хозяина, парня в малиновом пиджаке, в самом начале он объявил: «Женский роман – бизнес серьезный, и баб к нему подпускать нельзя!»

– Хотите познакомиться с Джудит Баффало? – предложил Мотыгин.

– Почему бы и нет...

– Пошли! – он повел меня в соседнюю комнату.

Та м сидела бородатая Джудит Баффало собственной персоной, пила с похмельной жадностью минеральную воду и спрашивала хриплым боцманским голосом, как мне название «Алиса в Заоргазмье».

Выяснилось: приди я буквально на полчаса раньше, застал бы и Реббеку Стоунхендж, которая когда-то была знаменитым поэтом Иваном Горячевым, писавшим песни и поэмы о строителях Байкало-Амурской магистрали:

То, что не по силам богу,
Комсомолу по зубам!
Через горы мы дорогу
Пробиваем: БАМ, БАМ, БАМ!

Одна из поэм так понравилась тогдашнему главному комсомольцу Пастухову, что он приказал выдать Ивану по смешной государственной цене настоящую болгарскую дубленку и реальную ондатровую шапку – страшный по тем временам дефицит. Смешные времена... Кстати, почувствуйте разницу: Джудит Баффало за отличные деньги продал свое название «Алиса в Заоргазмье» одному популярному стрип-клубу, получил золотую карту, дающую право бесплатно заглядывать в трусики любой понравившейся танцовщице, а впридачу ему вручили набор из крокодиловой кожи для садо-мазохистских удовольствий. И мы еще с вами удивляемся, что творческая интеллигенция не поддержала советскую власть в девяносто первом!

6. Ал Пуг, Ген Сид и Пат Сэлендж

Некоторое время мчались молча. Пригороды остались позади, и теперь по сторонам шоссе тянулся лес и мелькали новенькие бензозаправки, яркие, свежие, точно полчаса назад набросанные Кандинским. Попадались дачные поселки. В одних, жалких, старых, состоящих из крошечных домиков, казалось, обитают нищие садово-огородные пигмеи. Другие же селенья, из богатых, высоких, просторных коттеджей под черепичной крышей, явно принадлежали совсем иной – рослой и благополучной расе.

– Еще далеко? – поинтересовался Кокотов.

– Не очень. А чем закончился ваш визит в «Вандерфель»?

– Мне предложили сотрудничество. «Вливайся! – позвал Мотыгин. – Только у нас в подвале это сволочное время можно и пересидеть!» Да, я совсем забыл сказать: издательство располагалось в бомбоубежище. А в кабинет главного редактора вела толстая стальная дверь со специальным колесом для герметического задраивания. Раньше ведь во всех учреждениях, особенно в детских, были такие глубоченные подвалы на случай авианалета. Теперь же эти немереные площади (а их ведь тысячи) скупили по дешевке и сдают в аренду. Вот откуда у нас миллионеры, приглашающие в Россию Мадонну для того, чтобы за сумму, не вмещающую обычным

человеческим мозгом, она положила серебряную ложечку на первый зубик состоятельному младенцу...

– Это верно... – согласился Жарынин. – Миллионеры берутся из самых неожиданных мест. Мой друг детства – назовем его Василием...

– Василий уже был, – деликатно напомнил Кокотов.

– Не важно. Пусть он будет Геннадием. Итак, Геннадий в советские времена работал в райкоме партии и рассчитывал сделать хорошую карьеру. Но однажды его вызвал первый секретарь и буркнул, не поднимая головы от передовой «Правды»: «Есть мнение – назначить вас управляющим отраслевого банка!» – «За что!?» – только и смог вымолвить несчастный Геннадий. – «Что значит “за что”?!» – взревел первый секретарь. – Партия вас направляет на ответственный участок работы! Идите и хорошенько подумайте!» Бедный Василий...

– Геннадий!

– Да, бедный Геннадий промаялся всю ночь, с дрожью вспоминая страшное слово «хорошенько» и горько оплакивая свою порушенную карьеру. У него даже мелькала сюрреалистическая мысль выйти из партии. Впрочем, понять моего друга можно. Ну что такое был в ту пору отраслевой банк? Тр и десятка толстозадых бухгалтерш с арифмометрами, при помощи которых они гоняли туда-сюда казенные рубли! Никакой перспективы, тем более что Геннадий был по образованию историк-международник и готовил себя к серьезной

работе за рубежом! Да и зарплата в банке маленькая... Но дисциплина есть дисциплина. Утром он встал, побрился, выпил склянку валокордина и, строевым шагом войдя в кабинет первого, доложил, что счастлив выполнить любое задание партии! Полгода он тупо подписывал отчеты, поздравлял с днями рождения своих бухгалтерш, пил горькую и приучал далеко не юную секретаршу к импортному белью. А через полгода Горбачеву в его расписную голову пришла идея создать акционерные и частные банки...

Теперь у Гены личный самолет, вилла на Кипре, дом в Париже, дача на Рублевке, а жена звенит бриллиантами, как люстра в Большом театре. После девяносто первого, повинувшись странному порыву, он решил разыскать строгого первого секретаря, сославшего его в банк, и нашел – в полном ничтожестве: изгнанный отовсюду, старик страшно опустился и продавал матрешки в Измайлове. Тогда Геннадий из чувства благодарности, столь редкого в наше прагматическое время, взял его к себе в банк гардеробщиком. Всякий раз после того, как бывший грозный шеф поможет ему надеть кашемировое пальто, Гена дает старику стодолларовую купюру и говорит очень тихо, чтобы слышно было лишь им двоим: «Слава КПСС!»

Вот такая история!

– Замечательная история! – согласился Кокотов.

– А как вам концовка с первым секретарем, работающим гардеробщиком?

– Неожиданно. Прямо сейчас придумали?

– Верно! Прямо сейчас... – захохотал Жарынин и мутно глянул на Андрея Львовича. – У вас есть чутье! Это хорошо... На чем я прокололся?

– На матрешках. Грубовато. Может быть, вы и всю историю придумали?

– Нет, только концовку. История – чистейшая правда. Могу фамилию банкира назвать. Вы его наверняка знаете: он недавно за полмиллиарда купил яхту с вертолетной площадкой, оранжереей и бассейном, в котором можно проводить чемпионаты по водному поло. Об этом много писали! А вот настоящая концовка мне не нравится. Банально. Грозный первый секретарь ни в какое нищенство не впадал, ни на каком рынке не торговал, а служит заместителем председателя правительственной комиссии по расследованию преступлений коммунистического режима... Вы его знаете!

– Ну, кто ж его не знает! Серьезный старичок... – кивнул Кокотов. – Но концовку, сознайтесь, Дмитрий Антонович, вы снова подсочинили?

– Нет, не подсочинил, просто позаимствовал из судьбы другого первого секретаря. Потому что мой первый секретарь, когда все обрушилось, от переживаний заболел раком и застрелился на даче из охотничьего ружья, чтоб не быть в тягость близким... А это, видите ли, как-то нехудожественно!

– Раком? – невольно переспросил Кокотов и пощупал

шею: он где-то читал, что у онкологических больных увеличиваются лимфатические узлы.

– Ах, извините! – вдруг спохватился Жарынин.

Он резко перестроился, освобождая крайний левый ряд. И вовремя: через мгновение две серебряные автомобильные тени с пронзительным воем мелькнули и пропали за взлобком дороги, точно упали с края земли.

– Может, это как раз Гена и поехал. У него в этих местах охотхозяйство, – раздумчиво сообщил режиссер. – Извините, Андрей Львович, я вас перебил! Та к чем закончился ваш визит в бомбоубежище?

– В бомбоубежище? Ничем особенным. Я принял предложение и написал роман «Полынья счастья»... Перевод с английского.

– Знакомое название. А псевдоним? Какой вы псевдоним взяли?

– Аннабель Ли... – упавшим голосом ответил Андрей Львович: он как раз нащупал странное уплотнение под левой скулой.

– Достойно, очень достойно. Погодите-ка! «Полынья счастья». Ну конечно же! Эту книжку я видел у Ритки. Она страшно плевалась, хохотала, цитировала мне какие-то совершенно отмороженные куски, но до конца все-таки дочитала! Поздравляю! Моя Маргарита мало что до конца дочитывает.

– Сочиняете? – тоскливо усомнился Кокотов.

– А вот и нет! У вас там есть место, где женщина играет в смертельную сексуальную рулетку? Есть?

– Есть... – порозовел Андрей Львович.

– Ну, вот видите, прав Сен-Жон Перс: мир тесен, как новый полуботинок. А сколько вам, если не секрет, заплатили за этот роман?

– Две тысячи долларов.

– Бандиты! Меньше чем за три, такие вещи не пишут! Сколько вы уже налудили?

– Шестнадцать романов.

– И сколько времени у вас уходило на каждый?

– От двух до пяти месяцев. С перерывом на отдых.

– Когда же вы успели написать «Гипсового трубача»?

– От сна отрывал...

– Ну и как вам такая жизнь?

– Она омерзительна! – радостно воскликнул Кокотов, ибо нащупал под правой скулой точно такое же уплотнение, как и под левой, а это значило, что он имеет дело не с увеличенными лимфатическими узлами, а с исконной анатомической пустяковиной...

– А вот я вас, дорогой Андрей Львович, везу в другую жизнь! И кстати, попутно дарю еще один сюжет для нового романа из цикла «Лабиринты страсти». Так, на всякий случай, если мы с вами не сработаемся! Вы можете стать родоначальником нового жанра – эротической фантастики. Не пробовали?

– Не-ет...

– Тогда слушайте! Двадцать первый век. Человечество достигло невиданных, невообразимых научных успехов! На Марсе колония землян...

– Минуточку Дмитрий Антонович, а сейчас-то какой век?

– Ах, ну да... Все никак не могу привыкнуть. Итак, двадцать второй век. Нью-социализм. Марс. Конец нудного рабочего дня в одном из многочисленных марсианских НИИ. Завтра – трехдневный уикенд.

– Выходные у них целых три дня?

– Конечно. Но раз в месяц. А какой уикенд на Марсе? Тоска! Ну посидеть у телевизора, ну поваляться на искусственном пляже под искусственным солнцем или для экстрима, напялив скафандр, на саундцикле поноситься по дну высохшего марсианского моря. Скукота! И только одна сотрудница не может скрыть радостного нетерпения. Назовем ее, допустим, Пат Сэлэндж... Фантасты почему-то очень любят давать героям такие вот сокращенные англообразные имена. Странно, что никому из наших не пришло в голову звать персонажи по-русски. Например, Ге н Сид – Геннадий Сидоров... Или – Ал Пуг. Алла Пугачева. Разве хуже? Нет, лучше! А все проклятое западничество!

– Вы, значит, славянофил? – едко поинтересовался Коко-тов.

– А вас это, Андрей Львович, смущает? – спросил Жарынин, нажимая на отчество соавтора.

– Нет, но хотелось бы знать...

– А если я скажу вам, что я зоологический ксенофоб и потомственный антисемит, вы потребуете остановить машину?

– Возможно и так...

– Лучше вернемся на Марс. И вот эта наша Пат Сэлэндж, чтобы спрятать туманную загадочную улыбку, низко склоняется над кульманом...

– Дмитрий Антонович, какой кульман на Марсе в двадцать втором веке?

– Да черт его знает, какой... Не важно! Над клавиатурой она склоняется. Не перебивайте! К ней в этот миг подходит ее интимный друг, обнимает...

– Ив Дор.

– Кто-о?

– Иван Дорошенко.

– Ну, вы язва, Кокотов! Ладно, будь по-вашему, Ив Дор. Он приглашает ее в театр. Залетная труппа с Земли дает «Дядю Ваню». Войницкий в последнем акте палит в профессора из блистера, но только слегка прожигает скафандр.

– Бластера. Блистер – это упаковка пилюль.

– Согласен. Но Пат в ответ на приглашение только тихо качает головой: «Нет, милый, этот уикенд я должна побыть одна. Не сердись!» Он, обиженный, уходит, а она еще ниже склоняется к плазменному экрану своего кульмана и улыбается еще загадочнее... Вот собаки! Уж е и указатель сняли!

7. Железная рука штабс-капитана

Бранясь, Жарынин затормозил, съехал на обочину и, рискуя свалиться в кювет, стремительно сдал назад. Действительно, в том самом месте, где от трассы ответвлялась, пропадая меж деревьев, узкая асфальтовая дорога, стоял трехметровый бетонный крест, позеленевший от времени. К нему, судя по остаткам ржавых болтов и уголков, прежде крепился большой указательный щит. Теперь же вместо него торчала кривая фанерка с неровными буквами, наляпанными синей масляной краской:

ДВК – 7 КМ

Режиссер выругался и свернул в лес. Некогда это было вполне приличное местное шоссе, но теперь оно состояло в основном из выбоин, заполненных водой, и ям, слегка присыпанных щебнем и битым кирпичом. Кое-где попадались, правда, остатки бывшего асфальта, напоминавшие своей мелко-прихотливой конфигурацией Шпицберген или даже хуже того, Сандвичевы острова. Нырнув в одну из впадин, машина довольно сильно стукнулась днищем.

– Сволочь! – выругался Жарынин. – Ну, я ему устрою!

– Кому?

– Директору! Я два раза уже находил ему деньги на асфальт! Экстрасенс хренов! Кашпировский недорезанный!

– А что там с Пат Сэлэндж? – пытаюсь отвлечь водителя от черных мыслей, спросил Кокотов.

– Ну, какая еще Пат Сэлэндж? Мы сейчас без глушителя останемся!

Переваливаясь с боку на бок, как большая жестяная утка, машина все-таки двигалась вперед. Наконец показались старинные арочные ворота с ярко-желтой надписью:

ДОМ ВЕТЕРАНОВ КУЛЬТУРЫ

«КРЕНИНО»

Возле ворот виднелось несколько квадратных метров свежего асфальта, черного, лоснящегося, испещренного каплями влаги, словно кожа эфиопа, вышедшего из-под душа. В едва затвердевшую поверхность кто-то успел предусмотрительно вдавить некоторое число белых камешков, составивших в целокупности кратчайшее из сильнейших отечественных ругательств. И Кокотова вдруг осенило, что решающее объяснение между Ромой и Юлей должно состояться в тот самый момент, когда она мучается, составляя по указанию главного редактора кроссворд из ненормативной лексики. Дело в том, что шеф сам подбивал к ней клинья, но, полу-

чив отказ, стал гнусно придирается на планерках и давать разные глумливые задания. Юля в полной растерянности: тонкая, внутренне чистая девушка с высшим филологическим образованием, этакая Золушка развратного мегаполиса, она просто не в состоянии выполнить издевательское редакционное поручение. Но если в полночь она не сдаст готовый кроссворд, ее уволят. И тут, подобно тетушке-фее, к ней на помощь спешит влюбленный Рома. Они, подбадривая друг друга, склоняются над кроссвордом, испещренным самой разнузданной площадной бранью, и наконец происходит объяснение. О, это первое признание в любви, тихое, робкое, нежное, как дуновение розового рассветного ветерка над камышовой заводью!..

– Ну так-то, поганец! – удовлетворенно воскликнул Жарынин. – Вот он, русский человек в действии! Не может украсть все до последнего. Хоть чуть-чуть, а оставит ближнему! Именно это спасет Россию! Россия – Феникс! Вы читали Андрея Белого?

– Разумеется... – кивнул Кокотов, собираясь честно добавить «нет», но передумал.

– А может, вы думаете, что Россия – сфинкс? – нахмурился Жарынин.

– Нет, я так не думаю! – поспешил успокоить его Кокотов.

– Хорошо! Отлично!

Эти несколько квадратных метров свежего дорожного покрытия привели режиссера в прекрасное расположение духа.

Попробовав ногой асфальт, он остался доволен и качеством укатки, и кратким словом, выложенным из камешков.

– Ладно, так и быть, дорасскажу вам про Пат, а то забуду. В общем, наша Пат много лет копила деньги и наконец получила то, что хотела. Наука к тому времени научилась по останкам не только восстанавливать давно скончавшиеся организмы, но и воспроизводить все мельчайшие подробности их истлевшей жизни. Вот вы вчера пили же?

– А что, заметно?

– Конечно! – Жарынин пальцем изобразил на запотевшем стекле крестик. – И вот по такому кусочку косточки (он показал полмизинчика) наука сможет определить, сколько вы выпили, когда и что именно...

– А какое это имеет отношение к Пат Сэлэндж? Она у вас алкоголичка?

– Ах, мы еще и с юмором! Нет. Но точно так же можно восстановить и всю любовную биографию человека! Все его томления и неги. Вот вы бы хотели испытать оргазм Казановы?

– В каком смысле?

– Ладно, не валяйте дурака! Да или нет?

– Не отказался бы!

– Та к вот, одно из главных развлечений той будущей цивилизации – покупка оргазмов знаменитых любовников мировой истории. Ну, в общем, тех, чьи останки удалось отыскать. Мадам Помпадур, Потемкин, Екатерина Вели-

кая, Нельсон, леди Гамильтон, Сара Бернар, Распутин, Лиля Брик... Кстати, в том толерантном до тошноты мире учтены интересы и людей нетрадиционной ориентации. Можно при желании испытать оргазм динозавра, саблезубого тигра, голубой акулы или, наоборот, колибри...

– А кого выбрала Пат?

– А как вы думаете?

– Не знаю...

– Хорошо, подскажу. Она у нас девушка без вредных сексуальных привычек, более того, даже немного старомодная.

– Надо подумать...

– Думайте! Когда догадаетесь, я продолжу. Мы опаздываем к столу.

Режиссер нажал на газ – и машина рванулась вперед. За поворотом открылась широкая аллея, обсаженная огромными черными липами, и вела она к видневшемуся вдали, на холме, совершенно борисово-мусатовскому особняку с колоннами и полукруглой балюстрадой перед входом.

– Потрясающе! – воскликнул Жарынин и затормозил.

– Мы же опаздываем к обеду!

– Не к обеду, а к письменному столу. Но красота важнее!

Дом ветеранов культуры располагался в старинной, чудом уцелевшей дворянской усадьбе, воздвигнутой в начале позапрошлого столетия на высоком берегу речки Крени. Впрочем, речка в незапамятные времена была запружена, и с крутизны открывался каскад из трех прудов, обросших по бе-

регам ветлами. Кроме того, имелся английский парк с долгой липовой аллеей и большой искусственный грот с источником, считавшимся целебным.

Это была, наверное, единственная уцелевшая дворянская усадьба в округе. Уцелела же она по весьма любопытной причине: у дореволюционного владельца поместья штабс-капитана Куровского, потерявшего на японской войне руку, имелся английский металлический протез с пальцами, которые со страшным клацаньем приводились в движение специальным пружинным механизмом. Летом 1917-го окрестные мужички, пускавшие красного петуха направо и налево, добрались до Кренина. Барин Куровской вышел к балюстраде в парадном мундире с георгиевскими крестами на груди и, постукивая своим протезом о перила, строго спросил: мол, зачем, мужички, пожаловали? А те, мгновенно утратив свой поджигательский пыл, безмолвно смотрели на страшную железную руку.

– Да так, барин, проведать зашли...

– Ну, проведали и ступайте с богом! – молвил штабс-капитан и, клацнув особым механизмом, указал им стальным перстом дорогу.

С тем ушли и более не возвращались, хотя в уезде спалили всех помещиков... В 1919-м, при большевиках, председателем уездной «чрезвычайки» стал некто Кознер. Сам он был из недоучившихся студентов и протезов не боялся, так как в инженерном училище разных механизмов навидался

вдоволь. Он-то и расстрелял штабс-капитана за организацию контрреволюционного подполья, состоявшего из самого инвалида войны, его жены, двоих детей, кухарки и кухаркиного мужа-истопника, который, собственно, и донес в ЧК, боясь возмездия за украденный и пропитый хозяйский портсигар. В Московскую губернию Кознер, кстати, прибыл из Киева, где служил в печально знаменитом особом отделе 12-й армии и прославился тем, что по ночам выпускал в сад раздетых донага контрреволюционерок и охотился на них с маузером. Переведенный в центр за злоупотребление революционной законностью, он стал потише, но любил поугубить на допросе несчастных железным протезом, снятым с мертвого Куровского и служившим чекисту пресс-папье.

В двадцатые годы Кознера, сочинявшего в юности стихи в духе Надсона, бросили руководить секцией литературной критики Союза революционных писателей (СРП). Каждую свою статью или рецензию он заканчивал одной и той же фразой, мол, куда смотрит ОГПУ? Кознер-то и подал Луначарскому идею устроить в Кренино дом отдыха для утомившихся революционных деятелей культуры, которые на курорте обязательно расслабятся и могут наговорить много чего интересного – надо только внедрить в их среду парочку агентов. Однако даже этого не понадобилось: отдыхающие мастера искусств по собственному почину буквально завалили карающий революционный орган доносами, причем некоторые из них были развернуты в трактаты и даже поэмы.

В спецархиве ФСБ до сих пор прилежно хранятся в неразобранном виде эти документы подлой до суровости эпохи.

Раньше они покоились на своих полках тайно, однако во времена перестройки их рассекретили и пригласили исследователей, мол, вникайте! Один известный театровед, начитавшись доносов, сошел с ума. Проявлялось это весьма необычным образом: утром, позавтракав, он выходил на улицу и бродил по городу, плюя на мемориальные доски, прикрепленные к стенам домов, где проживали выдающиеся люди минувшего века. Во всем остальном он был совершенно нормален и даже вел в газете «КоммивояжерЪ» колонку «Просцениум». А еще один не менее знаменитый литературовед, поработавший со злополучным фондом, запил горькую и хлебал до тех пор, пока однажды не отправился в магазин за добавкой совершенно голым. Его, конечно, задержали, и он под протокол объяснил свое поведение так: в сравнении с бесстыдством советских классиков, которое он обнаружил в архиве ФСБ, натуралистический поход в магазин за водкой – невинная шалость. Его, разумеется, отправили на медицинскую реабилитацию, вылечили; с тех пор он не пьет, но и не пишет. А архив снова засекретили, только уже не из идеологических, а из гуманистических соображений.

Потом, в тридцатые годы, по настоянию вернувшегося из Италии Горького в усадьбе организовали приют для старых и хворых интеллигентов, имеющих заслуги перед революцией. Алексей Максимович и сам наезжал сюда, попить из це-

леб– ного кренинского источника, чьи воды совершали чудеса оздоровления головы, желудка, простаты и прочих жизнедеятельных органов. Шутили, что водичка делает талантливых еще талантливее, а бездарных еще бездарнее. Кто-то из местных остроумцев назвал усадьбу «Иппокренино», намекая на знаменитую древнегреческую Иппокрену, дарившую поэта́м вдохнове́ние. Постепенно это поэтическое название закрепи́лось, вытесни́в старое – «Кренино».

С годами приют разросся и стал называться Домом ветеранов культуры. В старом помещицком доме остались теперь лишь библиотека и администрация, а рядом вырос бело-голубой корпус, напоминающий больничный. На первом этаже разместилась столовая, на втором – врачебные и процедурные кабинеты, а выше расположились однокомнатные квартиры с балкончиками.

– Замечательное место, – вздохнул Жарынин, – только здесь и можно творить вечное!

– Почему?

– Атмосфера удивительная: почти каждый день кто-нибудь ласты склеивает. Средний возраст 83 года! Человек умирает, комната освобождается и стоит пустая, пока оформляют нового поселенца. А оформление иногда затягивается надолго, так как ветеран должен передать свою собственную квартиру в фонд «Сострадание». Вот на этот самый период комнаты и сдаются под творческие мастерские, как нам с вами... А иногда туда просто пускают постояльцев,

как в гостиницу... Директор тут ушлый... Экстрасенс! Еще познакомитесь...

Меж тем машина промчалась между черно-золотыми липами, ворвалась на стоянку, расположенную под балюстрадой, и лихо вписалась в узкий просвет между навороченным черным джипом «лексус» и хлебным фургоном.

Режиссер открыл дверцу, вышел из автомобиля и шумно вздохнул.

– Боже, какой воздух! Пакуй – и на экспорт. Ну, здравствуй, «Ипокренино»! – Молвив это, он сдернул свой бархатный берет и в пояс поклонился.

Писатель тем временем соображал, как выбраться из машины. Жарынин припарковался так близко к фургону, что дверца едва открывалась.

– Ну что вы там копаетесь? – недовольно позвал режиссер.

Кокотов вскинул голову и от удивления открыл рот: без берета Жарынин показался ему совершенно другим человеком. Под бархатом головного убора, оказывается, скрывалась милая, глянцева и весьма обширная лысина, придававшая всему грозному облику Дмитрия Антоновича какой-то водевильный оттенок. Писатель, скрывая улыбку, протиснул живот в щель и оказался на свободе. Жарынин открыл багажник и начал небрежно выкидывать вещи на асфальт. Андрей Львович с оборвавшимся сердцем едва успел перехватить у него футляр с драгоценным ноутбуком.

– Пошли! – Режиссер надвинул на голову берет, легко под-

нял свою раздутую спортивную сумку и двинулся к входу.

Но вдруг, спохватившись, он вернулся к машине, открыл дверцу, просунулся в салон и вынул оттуда трость темно-красного дерева. Вещица была явно антикварная: черная серебряная ручка представляла собой льва, застывшего в кровожадном прыжке...

8. Рейдер и незнакомка

И снова слышались звуки «Валькирий».

– Да, Ритонька, доехали. Все хорошо! Чувствуешь, какой тут воздух? – ответил в трубку Жарынин, несколько раз шумно вдохнув и выдохнув. – Как там мистер Шмакс? Будь с ним поласковой! – попросил он жену и подмигнул Кокотову, который грустно думал о том, что частота звонков на мобильник, особенно женских, – бесспорное свидетельство мужской состоятельности.

Задетый за живое, писатель сильно сжал в кармане свою старенькую «Моторолу», словно хотел сделать ей больно. Тем временем режиссер закончил разговор и дружески помахал бомжеватому одетому, небритому дядьке, лениво соскребавшему с дорожек палые листья, орудуя раритетной березовой метлой. Такой метлы в Москве уже не увидишь. Нет, не увидишь!

– Кто это? – любопытствовал Кокотов.

– Это – Агдамыч. Последний русский крестьянин! – был ответ.

Из-за поворота аллеи показалась стайка усохших до подросткового изящества старичков. Они что-то горячо обсуждали промеж собой звонкими обиженными голосами. Если бы не палочки в морщинистых, обкрапленных коричневой сыпью руках, если бы не спекшиеся от времени лица, – их

можно было бы принять за ватагу мальчишек, отправляющихся на какое-то геройское бедокурство. Жарынин радостно взмахнул тростью и, приветственно раскинув руки, пошел им навстречу.

Но вдруг все они, как по команде, умолкли: из могучей резной двери, видневшейся между колоннами, вышли странные люди. Они стремительно простучали мимо каблуками, чуть не сбив с ног еле успевшего отпрянуть Кокотова. В центре шел невысокий бородатый человек в темных очках, низко надвинутой шляпе и развевающимся черном пальто из тонкой кожи. Глядя себе под ноги, он отрывисто говорил по мобильному телефону, совершенно незаметному в ладони, поэтому казалось, что незнакомец просто зажимает рукой заболевшее ухо. По четырем сторонам от него, образуя каре, селились, старательно озираясь, плечистые парни в черных костюмах и строгих галстуках.

– Кто это? – испуганно спросил Андрей Львович.

– Это – Ибрагимбыков, – не сразу ответил Жарынин, мрачно наблюдая за тем, как странные люди садятся в джип.

– А что им здесь нужно?

– Всё!

– Как это?

– Он рейдер...

Ветераны, дождавшись, когда джип, взметая палые листья, скроется из виду, подбrellи к режиссеру. Он молча пожал каждому руку с той подчеркнутой серьезностью, с какой

взрослые обычно обмениваются рукопожатиями с незрелыми детьми.

– Дмитрий Антонович, вы нам поможете? – тихо спросил старичок, одетый в темно-синий пиджак с орденскими планками, но обутый при этом в пляжные тапки.

– Конечно! Этот Ибрагимбыков у нас быстро в ящик сыграт! – весело ответил режиссер.

Старческая общественность, дребезжа, засмеялась, и громче всех хохотал орденоносец в шлепанцах, особенно польщенный непонятым Андрею Львовичу смыслом шутки. Оставив своих ветхих друзей в хорошем настроении, Жарынин повел Кокотова в дом – и они очутились в холле, показавшемся после утренней улицы темным и мрачным. Направо и налево, ныряя под затейливые арки, уходили в глубь здания коридоры, а впереди возвышалась, образуя трапецию, двускатная мраморная лестница. Вершиной трапеции служил небольшой полукруглый балкончик. На нем, наверное, во времена балов и детских праздников извивался капельмейстер, повелевая оркестром, который рассаживался как раз между лестничными спусками. Теперь же там стояли несколько облупившихся дерматиновых кресел и кадки с домашними пальмами. А в стене под лестницей образовалась новенькая дверь, явно не предусмотренная архитекторами. Рядом с дверью имелась золотая табличка:

Директор ДВК «Кренино»

А. П. Огуревич

Возле кадочной пальмы стоял растерянный лысый толстяк в полосатом двубортном костюме. На его румянном лице было написано то особенное выражение, какое бывает, если человек уже обнаружил отсутствие бумажника в привычном кармане, но пока еще не потерял надежды, что просто переложил его в другое укромное место. Увидав вошедших, он мученически улыбнулся и шагнул навстречу:

– Наконец-то, Дмитрий Антонович, наконец-то!

– Ну, здравствуй, здравствуй, старый жучила! Рад тебя видеть!

Они обнялись и трижды бесконтактно поцеловались, трогательно сблизив лысины. При этом толстяк успел доброй улыбкой и косвенным взглядом оповестить Кокотова, что «жучила» – это просто ласковое, даже дружеское преувеличение, никакого отношения к характеру его деятельности не имеющее.

– Аркадий Петрович, директор этого богоспасаемого заведения! – представил Жарынин незнакомца. – А это – Андрей Львович Кокотов, известный писатель.

– Ну, как же, как же! – воскликнул Огуревич с таким ви-

дом, будто без книг Кокотова и в постель-то никогда не ложился. – Очень рад!

Рукопожатие у директора оказалось мягкое, теплое и словно бы засасывающее.

– А война, значит, продолжается? – спросил Жарынин.

– Хуже... Блокада! На вас вся надежда! – махнул рукой директор.

– Но землю-то вы хотя бы оформили?

– В том-то и дело, что нет...

– Почему?

Пока Аркадий Петрович, пряча глаза, подробно рассказывал про козни Земельного комитета, терявшего уже третий комплект собранных документов, Кокотов, скучая, огляделся. Стена напротив лестницы вся почти состояла из высоких, от пола до потолка окон. Старинные переплеты казались сделанными из гипса – так много раз их красили и перекрашивали. Потолок был тоже лепной, а увешанные хрустальными штучками бронзовые ветви люстры покрылись благородной зеленью. Откуда-то потянуло питательным воздухом, но откуда именно – из правого или левого коридора – неясно. В желудке Кокотова тут же просительно заурчало. И в этот миг он увидел на капельдинерском балкончике модно стриженную светловолосую женщину. Одета она была в обтягивающие серые вельветовые джинсы и белую ветровку, явно дизайнерскую, напоминающую черкеску с газырями. На мраморных перилах дама поставила перед собой

небольшой крокодиловый портфель. Красивое лицо ее было сосредоточенно.

– Аркадий Петрович! – ласково позвала она сверху. – Так я возьму Колю?

Огуревич восторженно, задрал голову и сразу пригусарился.

– Конечно, Наталья Павловна, конечно! – подтвердил он, сладко улыбаясь.

– Доеду до сервиса и сразу его отпущу... – добавила она.

– Хорошо, хорошо...

Жарынин тоже глянул вверх, и его физиономия преобразилась тем изумительным образом, каким меняется лицо дегустатора, отхлебнувшего дежурного столового вина и вдруг обнаружившего в нем редчайший букет и небывалое послевкусие. Кокотов, надо сознаться, тоже поймал себя на глупейшем, совсем мальчишеском чувстве, которое, как это ни удивительно, живет в нас до глубокой мужской старости. Когда в детстве Светлана Егоровна брала его с собой в какие-нибудь скучнейшие гости, он хныкал, отнекивался, дулся, но лишь до тех пор, пока не обнаруживал там, в гостях, незнакомую хорошенькую девочку. И жизнь тут же становилась интересной, наполнялась таинственным, трепетным, пусть даже очень недолгим смыслом.

– Хорошо, хорошо. Конечно возьмите, Наталья Павловна! – повторил директор.

– Спасибо! – кивнула она, сняла с перил портфельчик и

хотела уйти, но почему-то задержалась и внимательно посмотрела вниз.

Кокотов почувствовал, что глядит она именно на него – причем с явным удивлением. Это продолжалось мгновение, затем Наталья Павловна еле заметно пожала плечами и удалилась. Трое мужчин проводили ее нарядное тело проникающими взглядами.

– Кто это? – играя бровями, спросил Жарынин.

– Лапузина. Снимает у нас номер. По семейным обстоятельствам, – с трудно дающейся отстраненностью объяснил Огуревич. – Ладно, Дмитрий Антонович, идите – оформляйтесь! Но нам надо поговорить! Если вы не поможете... Я просто не знаю, что будет...

– Помогу чем смогу, – кивнул режиссер с солидной сдержанностью влиятельного человека. – Вот и у Андрея Львовича связи в генеральной прокуратуре.

– Правда? – посветлел Огуревич.

– Правда! – с удивлением подтвердил Кокотов.

– Хорошо. Оформляйтесь! Я предупредил бухгалтерию.

– А Андрей Львович? – строго спросил Жарынин.

– Скажите, что со мной все согласовано...

– А «люкс»?

– Медеянский... – развел руками Огуревич.

Кокотову показалось, что говорят они на каком-то шифрованном языке, вроде фени, причем понимают друг друга с полуслова.

Бухгалтерия располагалась в левом коридоре, где запах скорого обеда чувствовался гораздо сильнее. В комнате за столами, стоящими друг против друга, сидели две ухоженные дамы позднебальзаковского возраста. Одна – крашеная брюнетка, вторая – блондинка, тоже крашеная. Первую звали Валентина Никифоровна, вторую – Регина Федоровна. Брюнетка, увидав Жарынина, сразу заулыбалась и порозовела – именно так розовеет женщина при виде мужчины, с которым у нее что-то было или хотя бы намечалось. Любопытно, что с блондинкой произошло то же самое, она тоже порозовела и заулыбалась, из чего наблюдательный Кокотов сделал вывод: очевидно, две дамы не только вместе работают, но и, возможно, сообща ищут по жизненным закоулкам свое гендерное счастье.

Режиссер от солидной сдержанности мгновенно перешел к шkodливому веселью, он что-то интимно шептал бухгалтершам, подсовывал запасенные шоколадки, шумно радовался новому цвету волос Валентины Никифоровны, наи-чернейших, как обгоревшая пластмасса. Судя по его удивленным возгласам, брюнетка еще недавно была блондинкой. Он настойчиво выпытывал у зардевшейся женщины причину такой внезапной перемены колора, а она, уходя от ответа, томно намекала на какие-то обстоятельства сокровенного свойства.

– Андрей Львович, можно ваш паспорт? – почти строго спросила Регина Федоровна, явно раздосадованная таким

интересом Жарынина к волосам подруги.

– Да-да, конечно... – Кокотов нервно зашарил по карманам, нашел и протянул ей документ.

Она профессионально пролистнула странички. Подняв глаза от даты рождения, критично оценила биологический износ постояльца, но затем, обнаружив штамп недавнего развода, еще раз посмотрела на Кокотова – и теперь гораздо доброжелательнее.

– Надолго к нам? – потеплевшим голосом уточнила она.

– На две недели, как и я, – ответил за него Жарынин.

– Очень хорошо... – все с тем же интересом произнесла она. – Андрей Львович, вы член творческого союза?

– Да, конечно...

– Тогда вам будет скидочка двадцать процентов. Итого с вас... – мелькая кроваво-красным маникюром, Регина Федоровна заиграла пальцами по клавишам большого калькулятора.

– Нисколько! – остановил ее Жарынин. – Андрей Львович – тоже гость Аркадия Петровича!

– Аркадий Петрович ничего мне про это не говорил... – Валентина Никифоровна отстранилась от режиссера, и в ее лице появилось некое бухгалтерское оцепенение.

– Валечка, ты мне не веришь?!

– Верю, конечно, Дмитрий Антонович. Как же вам не верить! – с этими словами она сняла трубку внутреннего телефона. – Аркадий Петрович, тут у нас проблемка... с... вто-

рым гостем... Понятно! Я так и думала. Оформим.

Пока длилось это недоразумение, Кокотов, смущенный возникшей «проблемкой», уставился в окно, выходявшее в парк. Там он увидел Наталью Павловну. Одета теперь уже в длинный светлый плащ, но с тем же крокодиловым портфельчиком в руке, она шла к автомобильной стоянке походкой повелительницы мужчин. Из бежевой «волги» ей навстречу выскочил шофер Коля и распахнул заднюю дверцу.

«Наверное, трудно быть красавицей!» – подумал Кокотов и вообразил, как вот на него, Андрея Львовича, stanno заглядываться встречные женщины и пользоваться каждым случаем, чтобы познакомиться и выпросить телефон, прижиматься коленками, оказавшись рядом, и гнусно, исподтишка разглядывать выпуклости тела... Бр-р-р...

– Что, и вам тоже понравилась? – поинтересовалась Регина Федоровна, проследив направление его взгляда. – Мужа поехала обирать! Распишитесь вот здесь: с правилами противопожарной безопасности ознакомлен...

Сказано это было с той обидчивой иронией, с какой дамы частенько говорят о своих «однополчанках» (от слова «пол», разумеется), стоящих на ступенях женского совершенства гораздо выше, нежели они сами.

– Вы это про кого? – Кокотов сделал вид, что не понял.

– Передайте, пожалуйста! – Она холодно протянула ему два заполненных форменных бланка. – А что, Лапузина у нас продлевается?

– Ну, конечно же! – Валентина Никифоровна приняла бумажки и, нахмурившись, внимательно изучила обе формы, словно заполняла их не сидящая напротив товарка, а некто неведомый и лелеющий недобрые замыслы.

Дочитав, она поставила визу, открыла стоявший сбоку сейф, вынула печать, подышала, эротично округлив густо на помаженный рот, и шлепнула два раза с такой силой, что в комнате дрогнули старинные половицы. Затем так же, через Кокотова, Валентина Никифоровна вернула бумажки Регине Федоровне, которая, в свою очередь, внимательно оглядела подписи и печати, точно подруга могла расписаться как-то недостоверно или – еще хуже – поставить какую-нибудь постороннюю печать. После этого блондинка, приложив линейку, аккуратно оторвала квитанции от приходных ордеров, которые, пробив дыроко– лом, подшила в специальную папку с надписью «Ветераны ВОВ». Причем от ударов по дыроколу половицы еще раз содрогнулись, а квитанции тем же путем очутились на противоположном столе. Внимательно исследовав их, Валентина Никифоровна свернула бумажки в трубочки и открыла нижний ящик стола. Там в лузах лежали деревянные груши с выбитыми на них цифрами. К грушам были прикреплены ключи. Она вынула две груши под номерами 37 и 38, а в опустевшие лузы вложила квитанции.

– Как просили – рядышком! – сказала брюнетка, значительно глянув на Жарынина. – Обед с двух до трех. Не опаздывайте! Ну, вы знаете...

– Андрей Львович, – окликнула Кокотова уже на пороге Регина Федоровна. – Паспорт-то заберите! И поаккуратнее с документом. А то кто-нибудь получит кредит в банке, а вас потом в тюрьму посадят!

И обе захохотали над этой, видимо, популярной среди финансовых работников шуткой так громко и широко, что стало ясно: дантист у них тоже – общий...

9. Приют скитальцев духа

Кокотов втащил вещи в свой номер и перевел дух. В помещении стоял тяжелый запах чьей-то лекарственной старости. На блекло-салатных обоях виднелось множество зеленых, больших и маленьких, квадратов, прямоугольников, овалов – следы от фотографических рамок. На люстре зацепился клочок серебряной новогодней канители. В остальном же комната имела обычный гостиничный вид: полуторная кровать с тумбочкой, полированный шифоньер, вздрагивающий холодильник «Полюс», письменный стол с протертым вращающимся креслом, сервант с остатками дулевского сервиза в горошек и, наконец, телевизор – огромный ламповый реликт эпохи расцвета советской электроники.

Чтобы проветрить помещение, Андрей Львович с треском открыл балконную дверь, с прошлой зимы заклеенную бумажными полосами, затвердевшими от высохшего клея. Большая, во всю стену, лоджия выходила в парк. Достававшая до третьего этажа рябина уронила свои ярко-рыжие гроздья на металлические перила. Кокотов глубоко вдохнул грустный осенний воздух и стал счастлив. В эмалевом небе светило нежаркое солнце. Внизу уступами уходили вдаль три прямоугольных пруда, наполненные темной водой и белыми кудлатыми облаками. А дальше открывался настоящий русский простор с красно-желтыми лиственными и си-

не-дымчатыми хвойными перелесками, палевым жнивьем и фиолетовыми пахотами, простодушными деревеньками и золотой монастырской колоколенкой, похожей отсюда, издали, на клубный значок, воткнутый в твидовый пиджачный лацкан. Андрей Львович ощутил вдруг в самых дальних, клеточных глубинах своего тела такую тоскливую любовь к этой земле, что теплая слеза умиления скатилась, холодея, по щеке. Он подставил ладонь, потом слизнул соленую капельку и, стараясь не думать о предстоящем обследовании у Окладкина, вернулся в комнату.

В совмещенном санузле с родниковой неиссякаемостью журчал унитаз, а полиэтиленовая штора, закрывавшая ванну, являла собой давнюю, безнадежно устаревшую политическую карту мира. На ней еще существовал огромный розовый Советский Союз, напоминавший великана, прилегшего отдохнуть после русской баньки, безмятежно подставив врагам свое тугое южное подбрюшье. На ней еще невольно прижимались друг к другу лютые враги – светло-коричневая ГДР и темно-коричневая ФРГ. Лиловая и длинная, как молодой баклажан, единая-неделимая Югославия вытянулась в пол-Адриатики. Не было еще на карте ни спятившей Грузии, ни зарумынившейся Молдавии, ни злобных прибалтийских карликов...

Кокотов вытер руки о крошечное махровое полотенце, ветхое, словно обрывок музейного савана, вышел из санузла, открыл чемодан и стал развешивать на плечиках в ши-

фоньере свои вещи, не успевшие за короткую поездку слезаться в тряпичный брикет, как это бывает после авиационного перелета. Когда чемодан опустел и на дне остались лишь несколько разноцветных пилюль, выпавших из своих упаковок, выяснилось, что зарядное устройство для мобильного забыто дома. Это ужасно огорчило Андрея Львовича, который вообще умел безутешно расстраиваться из-за разных мелких бытовых неурядиц. Неверная Вероника в таких случаях обычно дружески советовала: «А ты повесься – легче будет!»

Казнясь, писатель подсел к зеленому замызганному телефону, стоявшему на журнальном столике, но обнаружил в трубке лишь потрескивавшую тишину. Он несколько раз нервно нажал на рычажки, снова прислушался и уловил все то же шуршащее безмолвие. Подавленный, Кокотов бессмысленно уставился в окно, однако золотая сентябрьская роскошь, еще несколько минут назад доведшая его до слез умиления, теперь показалась ему насмешкой природы, по живому режущей глаза...

А тут еще в номер шумно, стремительно и бесцеремонно, как оперуполномоченный с ордером на арест, вошел Жарынин. Критически осмотрев комнату, он громко продекламировал:

Приветствую тебя, приют скитальцев духа!
Насельникам дубрав кричу я: «Исполать!»

– А у меня вот телефон не работает! – наябедничал Кокотов ломким голоском.

– Не переживайте, работает. Просто здесь номера спаренные. А ваш сосед, народный артист, – он указал на стену, – очень любит поговорить. Из-за него здешний дед и помер...

– Как это?

– Сердечко прихватило, а телефон занят. Ни «скорую» вызвать, ни медсестру.

– А мобильник? – спросил Андрей Львович, чувствуя опасное стеснение в груди.

– Ну какие у стариков мобильные? А если и есть, то экономят... Старость!

– Я зарядное устройство дома забыл... – грустно сообщил Кокотов.

– Ерунда! Мой сотовый к вашим услугам. Соавторы должны помогать друг другу.

– А мы разве соавторы? – насторожился писатель, почувствовав в этом заявлении скрытую угрозу своей финансовой будущности.

– Конечно! Назовите мне хотя бы один фильм, в котором режиссер не был соавтором сценария?

Кокотов сделал вид, что припоминает.

– Ну же! Ну!

Андрей Львович наморщился в трагическом отчаянье – именно так морщат лбы голливудские звезды, спрашивая

у партнерши: «Куда, дорогая, ты положила мою пижаму?»

– Не тужьтесь – не вспомните! Потому что таких прецедентов в мировом кинематографе нет! А лучше объясните, почему эта Наталья Павловна так на вас посмотрела?

– Вы тоже заметили?

– Еще бы! Если бы она так посмотрела на меня, я бы еще понял. Вы с ней знакомы?

– Нет. Не помню.

– «Нет» или «не помню»?

– Не помню.

– Правильно. Не отрекайтесь от возможного! Великий Сен-Жон Перс говорил, что каждая прошедшая мимо незнакомка – это часть великого несбывшегося. Но иногда мы забываем даже сбывшееся. Вот со мной, Андрей Львович, произошел однажды прелюбопытнейший случай. Вы, конечно же, знаете, что деньги на большое и чистое искусство, если наш с вами случай считать исключением, можно добыть только у власти. Олигархи – жадные сволочи, скобари! Самое большое, на что они способны, это – унижить дармовым ужином в ресторане. Но потом при каждой встрече они будут делать такое лицо, словно вскормили тебя, спасая от голодной смерти, своей волосатой грудью. Благотворительность – это мерзость, а благотворитель – мерзкий вампир, который высосал из людей тонны крови, а потом торжественно, под вспышки камер, идет сдавать на донорский пункт свои кровные 200 миллилитров... Вы согласны?

– Ну в общем... Не совсем! А как же Мамонтов, Третьяков, Морозов?...

– Вы еще Иисуса Христа вспомните! Нет, я не стану вам рассказывать эту историю...

– Ну, хорошо, я согласен.

– То-то! Та к вот, отправился я однажды просить деньги на новый фильм к одной очень крупной чиновнице, о которой слышал, что к казенным средствам она относится без излишней задумчивости.

– А что за фильм?

– Какая разница! Это к делу отношения не имеет.

– Ну, а все-таки?

– Сиквел «Евгения Онегина».

– Наверное, это когда Ленский убивает на дуэли Онегина... – вздохнул Андрей Львович.

– Да! Правильно. Я, кажется, в каком-то интервью проболтался о своем замысле. Вы читали?

– Нет, я сам догадался.

– А вот насчет Татьяны никогда не догадаетесь!

– Она вышла замуж за Дубровского?

– Ах, ты, господи, он еще и остряк! Не-ет, она выходит замуж за ссыльного шляхтича, а после разгрома польского восстания они эмигрируют в Северную Америку, в Джорджию. И там, на склоне лет Ларина знакомится... Ни за что не догадаетесь!

– Со Скарлетт О'Харой...

– Нет, вы все-таки читали мое интервью! – огорчился Жарынин.

– Ну конечно, читал. Рассказывайте лучше, как просили деньги!

– Ладно. Слушайте! Я долго добивался аудиенции и наконец добился. В обширной приемной, увешанной мазней этого идиота, забыл, как его зовут... Ну, он рисует только глазастые вагины и зубастые задницы...

– Друзкин?

– Ну почему сразу Друзкин? Друзкин рисует бородатых детей с волосатыми ногами. Ну, не важно... В общем, за секретарским столом вместо привычной девушки сидел молодой человек с влажной кучерявой прической и взглядом испорченного пионера. Зато кофе подавала смазливая официантка в кружевном передничке. До сих пор не могу себе простить, что не взял телефончик...

– Вы снова отклонились!

– Да! Итак, минута в минуту, как и договаривались, я вошел в кабинет, по сравнению с которым кабинеты коммунистических бонз (а в них-то я хаживал, ох, хаживал!) – это жалкие собачьи конурки. Чиновница, одетая, кстати, с большим вкусом, была в той женской поре, когда возраст определяется уже не годами, а тем, сколько нужно времени провести у косметолога, чтобы показаться на людях. Она вышла мне навстречу и подала руку. А руки у нее были уже немолодые. Руки выдают женщину сразу! Вы обращали внимание,

что эта немолодость особенно заметна почему-то, когда на пальцах много колец? Целуя руку, я даже оцарапал подбородок об особенно крупный бриллиант. Ну, мы сели... Объяснять ей, кто я, не пришлось: «Ах, ну как же, как же! “Двое в плавнях!...”» Я был польщен и, как птица Гамаюн, запел о возрождении российского кино, о том, что, соединив Татьяну и Скарлетт, мы выведем наше искусство на общемировой уровень! Она слушала, кивала, но смотрела на меня как-то странно, с эдакой ностальгической теплотой и даже лукавством. Я заливался об исторической миссии российского кино, а она вдруг, отхлебнув минеральной воды, сделала губами такое движение, словно слизывает с них оставшиеся капли, как Роми Шнайдер в «Старом ружье». Помните? В семидесятых, когда фильм показали в СССР, многие прелестницы сразу переняли это восхитительное губодвижение. И тут я чуть не поперхнулся шоколадной конфетой с ромом, потому что вспомнил все и сразу... Ну как, как я мог не узнать эту женщину!? Назовем ее Вета...

– Вета уже была, – поправил Кокотов.

– Когда?

– Когда выходила замуж за итальянца.

– Да, в самом деле! У вас хорошая память. Некоторым хорошая память заменяет ум.

– Вы так считаете? – обиделся писатель.

– Та к считает Сен-Жон Перс. Хорошо. Назовем ее Белла. Как я мог не узнать Беллу?! Как? – Жарынин заломил

руки с такой силой, что суставы хрустнули. – Итак: конец семидесятых, я в ореоле мученической подпольной славы, которую в ту пору мог дать только запрет и гонения. Боже, счастлив художник, хоть недолго побывавший под запретом! Единственное, о чем сожалею, что не попал под суд, как Бродский за тунеядство. Тогда я не сидел бы сегодня здесь, с вами, Кокотов, я стал бы каннским львом, тигром, попирающим тысячедолларовыми штиблетами фестивальную дорожку! Но, увы, я имел глупость, дабы не потерять трудовой стаж, оформиться руководителем драмкружка на майонезный завод. Нет, вы подумайте, трудовой стаж! Понадобился гений Бродского, чтобы предвидеть: трудовой стаж – ничто, а гонимость – все! Гонимость, а не талант и тем более не трудовой стаж, – вот что дает настоящую славу. В этом великое Оськино открытие! А стихи его читать невозможно. Это, в сущности, просто рифмованный каталог.

– Не согласен! – возмутился Кокотов.

– Да? Тогда почитайте мне Бродского наизусть!

– Пожалуйста:

«Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать!»

– Это все?

– Все, – покраснел Андрей Львович.

– Одна строфа. И та обманная. Умер-то он в Венеции.

– Вы просто ему завидуете!

– Конечно завидую: он догадался наплевать на трудовой стаж, а я не догадался. И все-таки после скандала с «Плавнями» я был упоительно знаменит. Радостно шептались, что со дня на день меня арестуют. Меня приглашали в гости будто достопримечательность, угощали мной, словно деликатесом. Женщины смотрели на меня примерно так же, как курсистки девятнадцатого века взирали на патлатого народовольца, собиравшегося наутро метнуть бомбу в генерал-губернатора. Разумеется, дам, жаждавших скрасить мои последние дни на свободе, было хоть отбавляй. Я даже начал привередничать, чваниться, старался избегать, скажем, двух блондинок подряд...

– А вот это вы фантазируете! – возмутился Кокотов, с особой остротой ощутивший свою безбрачную брошенность.

– Нет, мой одинокий друг, не фантазирую, а вспоминаю с трепетом! И вот как-то раз меня пригласили в мастерскую к одному архитектору. Он проектировал типовые дома культуры для совхозов-миллионеров, но при этом о Корбюзье говорил так, словно тот – всего лишь пьющий сосед по лестничной клетке. Кстати, сейчас он проектирует особняки новых русских, и, наверное, потому эти сооружения так похожи на совхозные клубы. В мастерской собралось несколько пар – и ни одной одинокой дамы. Я даже с облегчением подумал, что нынешнюю ночь смогу, наконец, отоспаться. Но

тут вдруг вышел жуткий семейный скандал. Начался он как невинный литературный спор. И устроила этот спор Белла. Она заспорила со своим спутником (пусть он будет Владимиром) о том, кто выше – Блок или Окуджава. Судя по короткой стрижке и неловкому синему костюму, Володя был советским офицером и, конечно, бился за Блока, даже прочитал до середины «Скифов». Белла подняла его на смех и объявила, что народный поэт тот, кого поют. Блока не поют, зато поют Окуджаву. Ее поддержали и хором ударили:

Ах, Надя, Наденька,
Мне б за двугривенный
В любую сторону
Твоей души!

Володя растерялся, а Белла презрительно процедила, что только непроходимое ничтожество может усомниться в превосходстве Окуджавы над Блоком. Офицер вспылил, объявил, что между ними все кончено, и ушел, хлопнув дверью так, что обрушился макет Целиноградского народного театра. Интеллигентная компания облегченно вздохнула, радуясь, что легко отделалась от этого военнотружущего мужлана. Честно говоря, в споре я молчаливо был на стороне офицера. По совести, мне эти Булатовы гитарные дребезжалки никогда особенно не нравились. Но история рассудила иначе: сравните жалкого истуканчика Блока, притулившегося в скверике возле Малой Бронной, с роскошным памятником

Окуджаве на Старом Арбате. Вам все понятно?

– Нет, не все!

– Что непонятно?

– Почему вы молчали?

– А потому что Белла была хороша! Ах как хороша! Длинные светлые волосы, черный свитер, облегающий высокую неистраченную грудь, короткая черная юбка, из-под которой произрастали совершенно тропические ноги! Ну разве можно спорить с такой женщиной? Она, оставшись в одиночестве, сразу как-то призывно погрустнела. Я, конечно, бросился утешать. Мы разговорились. Оказалось, она учится в Институте культуры на библиотечном отделении. Сбежавшее «ничтожество» – ее жених, разумеется, теперь уже бывший. А ведь страшно подумать, твердила она, через две недели должна была состояться свадьба! Даже кольца купили. Я предложил выпить за судьбу. Отхлебнув рислинга, Белла вдруг облизнула губы прямо как Роми Шнайдер. И я вскипел. Мы сбежали от архитектора, гуляли по ночной заснеженной Москве, страстно целуясь в каждой встречной телефонной будке, а потом пошли ко мне – греться. Мне даже не пришлось особенно настаивать: девушка явно жаждала отомстить несостоявшемуся мужу за его подозрительную любовь к Блоку. По-человечески это понятно, но Белла оказалась настолько мстительна, что весь следующий день мы провели в постели. Бывали минуты, когда казалось, я уже бесполезен перед ее неутомимыми поисками новизны, но

она делала глоток вина, по-шнайдеровски облизывала губы, и у меня снова открывалось не знаю уж какое по счету дыхание! В ту ночь, потрясаемый ею, я подумал: если Белла не зароет свой женский талант в прокрустовом брачном ложе, а использует с прицельным умом, то сможет сделать блестящую карьеру. Тем более что даже в постели она уже тогда стремилась занять командную высоту. И видите, я не ошибся!..

Я изобразил на лице восторг узнавания:

– Боже мой, Белла Викторовна... Сколько лет, сколько зим...

– Да, Димочка... А какая в тот год была зима! Теперь таких не бывает! – вздохнула она.

– Как семья? – осторожно спросил я ее.

– Нормально. Володя – генерал. Пенсионер. Сидит на даче.

– Какой Володя? Значит, они помирились? – изумился доверчивый Кокотов.

– Разумеется! Я позвонил ей ровно через месяц после нашего безумия.

– Почему через месяц?

– Та к она просила. Сказала: должна осознать, что с нами произошло. Я позвонил, и Белла сообщила, что свадьбу сыграли в назначенный день и что она очень счастлива!

– Та к значит... – начал догадываться Андрей Львович.

– Ну конечно, мой наивный соавтор, всю эту ссору она

специально разыграла, чтобы поближе познакомиться со мной: не каждый день случается заполучить в объятья запрященного режиссера! Я так понимаю, она просто решила сделать себе подарок, прежде чем выйти за своего Володю, верного и надежного, как советская ПВО. В общем, мы посмеялись с Беллой Викторовной над тем давним приключением и обменялись особенными взглядами... Мол, если бы все можно было вернуть назад, то, конечно, мы не расстались бы, нет, не расстались бы, а побезумствовали по крайней мере еще одну ночь... Прощаясь, она сказала, что даст мне денег на фильм, завизировала мою заявку и даже позвонила в профильное управление, чтобы зарезервировали средства...

– Ну и?..

– Что «ну и»? – махнул рукой Жарынин. – Вспомните, что говорил о судьбе Сен-Жон Перс?

– Не помню... – смутился писатель.

– А вот что: судьба подобна вредной соседке по коммуналке, то и дело подсыпаящей в твою кастрюлю персидский порошок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.